

Братья Швальеры

МАТИЛЬДА

Тайна дома Романовых

18+

Братья Швальнеры Матильда. Тайна дома Романовых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38931688

SelfPub; 2018

Аннотация

Фильм «Матильда» вызвал оживленную реакцию зрительского сообщества. Одни усмотрели в нем отрицательное отношение к последнему государю, другие – политический подтекст действий его противников. Как все было на самом деле – судить читателю. В одном зритель был прав: роман государя с балериной Кшесинской и посвященный этому фильм действительно оказали судьбоносное влияние на историю страны. Как именно – описано в книге...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Катечке Огрызковой с любовью

«Если тебя полюбит такая женщина, – только тогда ты станешь настоящим; таким, каким тебя задумала природа...»

Слова великого князя Андрея Владимировича цесаревичу из фильма «Матильда»

За исключением исторической части (события, имевшие место до 2000 года), все события и персонажи фильма являются вымышленными. Любое совпадение их с реальными персонажами – случайно

Авторы

От авторов.

Приступить к написанию данного произведения нас, естественно, сподвиг скандал, разразившийся вокруг фильма «Матильда». Оставаться в стороне от него не представлялось возможным, а оказаться в пучине событий можно было только, изучив историю досконально и трепетно. Что мы и принялись делать. Однако, выводы, к которым мы пришли на основе архивных данных, весьма нас удивили, если не сказать больше. Они же сформировали остоу книги, которая была

нами задумана.

Для прояснения вопросов, что остались у нас, мы пригласили нашего старого друга – профессора Университета Осло, доктора Сигурда Йоханссона, который, ознакомившись с нашим исследованием, раскритиковал его и отказался быть соавтором книги. Однако, как настоящий ученый, чьи взгляды заслуживают уважения и изучения, он не остался в стороне от работы, а составил свое особое мнение, включенное в третью часть книги отдельной главой. Также он любезно предоставил нам права на публикацию этой своей работы в рамках нашего скромного труда – с тем, чтобы наши читатели сами смогли ответить для себя на вопрос о том, что в действительности происходило между Николаем Вторым и Матильдой Кшесинской, а также, был ли Николай Второй святым настолько, насколько его принято таковым считать в среде верующих?

Учеными давно выработана максима, согласно которой на научность могут претендовать только труды, написанные на основе и российских, и зарубежных источников. Надеемся, что книга, которую вы держите в руках, именно такова, ибо и нами, и профессором Йоханссоном обильно использовались источники многих стран, а также архивные документы, ссылки на которые приведены в книге. Надеемся также, что книга первой претендует на историческую объективность в вопросе, поскольку все факты изложены в ней непредвзято и читателю предоставлено право самому решать – кто прав,

кто виноват.

Одним словом, эта книга – универсал. Книга-перевертыш. Она способна одинаково и убедить, и переубедить, главным образом, потому, что и сами авторы «знают то, что ничего не знают» – так противоречивы источники данных о связи Наследника и Мали Кшесинской. Решать вам – и в этом мы солидарны с нашим уважаемым соавтором, которому также следует дать слово во вступительной части повествования.

Братья Швальнеры

После выхода на экраны фильма «Матильда» в 2017 году многие верующие христиане сочли себя оскорбленными откровенно эротической демонстрацией страсти Святого Угодника – Государя Императора Николая Александровича и балерины Матильды Кшесинской, имевшей место, правда, до коронации и тем более до канонизации первого. История – наука беспристрастная, а потому на эмоции той или иной категории населения (православных верующих, геев, лесбиянок, любителей пива и т.д.) она должна опираться менее всего.

Мне как историку важно было уяснить для себя и откровенно продемонстрировать своим читателям, имело ли место описанное в фильме в действительности или нет. Если имело хотя бы даже в малой доле – значит, фильм претен-

дует на историзм, а герой Ларса Айдингера – на сходство с Николаем Вторым. Если нет – фильм представляет из себя не более, чем альтернативную историю, фолк-хистори или мокьюментари в стиле академиков Фоменко и Носовского и потому не имеет права на существование. Опять-таки рассуждаю как историк, а не как писатель или искусствовед-любитель.

В канун 2018 года мне стало известно, что мои старые товарищи братья Швальнеры, знаменитые русские писатели из Тель-Авива, работают над книгой на эту тему. Они обратились ко мне за консультацией и с предложением соавторства. Последнее я вынужден был отклонить – поскольку проведенная по их просьбе работа не позволила разделить с ними те исторические взгляды на проблему, коих они придерживались. А вот первое даром не прошло. Настоящий писатель должен стремиться быть максимально объективным – и потому эти весьма уважаемые авторы включили мою выкладку из архивных материалов на тему исторической правды фильма в свою книгу с предложением читателю самому определиться, кому верить и какой точки зрения придерживаться в данном вопросе.

Доктор Сигурд Йоханссон

Часть первая.

Николай и Матильда

Глава I.

Случайные встречи

Г-жа Кшесинская в па-де-де из «Тщетной предосторожности» произвела самое приятное впечатление. Грациозная, хорошенькая, с веселою детскою улыбкою, она обнаружила серьезные хореографические способности в довольно обработанной форме: у г-жи Кшесинской твердый носок, на котором она со смелостью, достойной опытной балерины, делала модные двойные круги. Наконец, что опять поразило меня в молодой дебютантке, это безупречная верность движения и красота стиля.

А.А. Плещеев, театральный и балетный критик¹

23 марта 1890 года, Санкт-Петербург.

Несмотря на весну, снег еще не растаял. Лошади вязли в сырой массе и оттого шли медленно, колыхаясь в проталинах и норовя стряхнуть с себя непосильную ношу сбруи и упряжи. Кареты одна за другой двигались по холодной весенней земле, а сидевшие в них царственные персоны выглядыва-

¹ Наш балет (1673—1899). Балет в России до начала XIX столетия и балет в Санкт-Петербурге до 1899 года. — СПб.: «Лань», «Издательство ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2009. — 576.: ил. с. — ISBN 978-5-8114-0840-5.

ли из-за шторок, словно подгоняя четвероногих возниц: «Ну скорей бы уже приехать!»

Выпускницы балетного училища стояли вдоль лестницы и смотрели на медленно движущуюся кавалькаду. Стоило какому-нибудь члену Царской Семьи показаться в зазоре каретного окна, как та или иная выпускница выкрикивала его имя – и откуда только могли угадывать? Впрочем, часто ошибались, а еще перешептывались между собой.

–Что ты будешь танцевать? – спросила Рыхлякова у Кшесинской.

–Па-де-де из «Тщетной предосторожности», «Stella confidanta», – не глядя в ее сторону, отвечала маленькая плячка.

–Думаешь, у тебя это получится лучше, чем у самой Цукки?

–Глупая, – бросила та. – Конечно, я этого не думаю, разве может быть лучше, чем у Цукки?!

–Может, – самонадеянно говорила Рыхлякова. – У Линьяни получается лучше. Только у тебя все равно так не выйдет.

Кшесинская не слушала ее – все ее внимание было приковано к царским экипажам. Дул холодный ветер, а солнце сияло словно в пушкинской поэме. Редко на ком из выпускниц было наброшено пальто – в основном они стояли в пачках и колготах, – но никому не было холодно. Впрочем, молодым всегда так кажется...

И вот наконец, длинная вереница разукрашенных карет

остановилась у подножия лестницы. Из первой на наспех расстеленную ковровую дорожку ступила царственная нога Государя Императора.

Огромный, рослый человек, широкий в плечах, он также шел в одном мундире, не надев ни пальто, ни шинели. Окладистая борода в несколько мгновений его пребывания на открытом воздухе покрылась инеем, а орденская лента заблестела от покрывших ее снежинок. Под руку с ним шла Императрица Мария Федоровна – Маля знала всех, кто сегодня был в царственной свите. Она видит, что следом за Государем идет Наследник Цесаревич Николай Александрович и четыре брата Государя: Великий Князь Владимир Александрович с супругой, Великой Княгиней Марией Павловной, Великий Князь Алексей Александрович, генерал-адмирал, Великий Князь Сергей Александрович со своей красивой супругой Елизаветой Федоровной и недавно женившийся Великий Князь Павел Александрович со своей молодой супругой Великой Княгиней Александрой Георгиевной (которая ожидала своего первого ребенка, Марию Павловну, родившуюся 6 апреля 1890 года) и генерал-фельдмаршал Великий Князь Михаил Николаевич со своими четырьмя сыновьями.

Государь останавливается у первой ступени – тут уже ожидает его начальник Дирекции Императорских Театров господин Всеволожский.

– Ваше Величество, – кланяется он, – позвольте представить Вам лучших наших учениц. Госпожа Рыхлякова и гос-

пожа Скорсюк...

Царь словно смотрит сквозь них и произносит своим зычным, раскатистым голосом:

—А где же Кшесинская?

—Позвольте, Ваше Величество, она же не штатная, а проходящая ученица у господина Христиана Петровича Иогансона...

—Ну и что?! — восклицает Государь. — Это не умаляет ее знатного балетного происхождения... Помню я и ее отца, и сестру, на которых наш балет некогда возлагал — и небезосновательно, доложу я Вам — большие надежды... А, вот и вы...

И откуда только Император узнает никому доселе не известную выпускницу Балетной труппы Иогансона? Разве так сильно ее сходство с отцом и сестрою, балеты с чьим участием так любил созерцать царь вместе с Великим Князем Николаем Николаевичем. А только узнал — и сразу протянул руку, чем буквально поверг в краску маленькую красивую польскую пани, спустившуюся откуда-то с лестничной галерки.

—И не холодно вам вот так? — почему-то чувства иных танцовщиц его не занимали. Ах, разве пользоваться таким доверием и расположением не есть счастье?!

—Ну что вы, Ваше Величество, ведь весна на дворе.

—Вот и я говорю весна, а они все, — он окинул взглядом стоявшую позади него семью, — разделились словно капуста.

Стыдились бы, господа! – Легкий смешок прокатился по стройным рядом членов императорской фамилии, все знали шуточный нрав Государя. – Что же, госпожа Кшесинская, будьте украшением и славою нашего балета!

Она сделала такой глубокий реверанс, какой только могла, и сразу убежала в уборную, оставив Государя знакомиться с другими, не менее талантливыми ученицами.

А десять минут спустя Император, поднимаясь по лестнице вглубь театра, услышал голос Наследника:

–Между прочим, рар`а, вы повели себя как узурпатор.

–Чем же?

–Со всеми балеринами мы познакомились как положено, а Кшесинскую вы будто бы приберегли для себя одного!

Тот в ответ расхохотался:

–Ну боже мой, изволь, изволь, знакомься, только не кокетничай с ней сильно. А то знаешь ли, так и до влюбленности недалеко. – Мария Федоровна от такой шутки удивленно вскинула брови. – Да, что греха таить, в ее старшую сестру был влюблен... один мой хороший приятель...

Все рассмеялись – Государь явно пребывал в добром расположении духа.

Меж тем все шло к началу концерта. Пока фамилия усаживалась в ложе, Рыхлякова подбежала к полке и обиженно ткнула ее в бок:

–Довольна? Выскачка.

–Ты разве видела, будто я первой подошла к Государю?

–Как бы там ни было, а заслужить доброе слово – это полдела. Надобно еще его оправдать.

Ах, как она была права и как понимала и разделяла ее слова Маля! Как билось ее детское сердечко в минуту, когда она вышла на сцену и закружилась в невероятном по силе вращения па-де-де! Сколько грации и стати было в ней в эту минуту, что даже скептически настроенная Императрица разделила слова супруга – родство имеет большое значение.

–Ты был прав, она и впрямь талантлива, – прошептала искушенная в балете Мария Федоровна на ухо августейшему супругу. – Только вот родство не всегда есть благо. Иногда оно накладывает иной отпечаток...

–Что ты имеешь в виду?

–Только то, что она не имеет права быть хуже отца и сестры. А даже сравняться с ними – уже дело непростое.

–У нее получится.

Да, у нее уже получалось! Делая прыжки и порхая по сцене словно бабочка в это время года порхает по цветам в широком поле, Маля как будто бы стремилась выпорхнуть из театра и пуститься в красивейший полет. Она хотела прыгнуть так высоко, как никогда не прыгала ни ее сестра, ни заносчивая *enfant terrible* Рыхлякова, ни ее подруга Скорсюк, ни Цукки, ни Линьяни. И это понятно – ведь ее, а не кого-либо другого отметил сам Государь.

Мария Федоровна меж тем уловила взгляд сына на сцену – он буквально был прикован к роскошным и витиеватым

движениям молодой балерины.

– По-моему, ей не хватает скромности на сцене, – попыталась она унять кипящий в молодом сыне восторг.

– А по-моему, в балете это категория лишняя...

Император оценил остроумие сына – и захлопал громче, чем хлопал остальным, как только выступление сию минуту закончилось, хотя это и было не положено; хлопать даже монарху надлежало всем одинаково, чтобы не создать ни у одной из юных танцовщиц ощущение исключительности. Мария Федоровна понимала, что сварливый муж снова сел на любимого конька, принявшись оспаривать ее точку зрения – не потому, что имел иную, а потому, что привык быть первым, и потому тоже стала аплодировать что было сил. Лучший способ одолеть его нрав было выбросить белый флаг.

Через час, когда выступления всех танцовщиц подошли к концу, все стали садиться за столы.

– Где ваше место? – первым делом спросил государь, как только встретил Малю после концерта в зале, где были накрыты столы с яствами.

– У меня нет своего места, Ваше Величество, я ведь не штатная, а приходящая ученица.

Он перевел свой суровый взгляд на Всеволожского. Тот развел руками и покраснел.

– Непорядок. Садитесь тогда со мною рядом.

Маля чувствовала на спине явно злые взгляды Рыхляковой и Скорсюк, и потому предпочитала не оборачиваться

в ту минуту, когда Государь снова одарил ее своей лаской. Просто уселась рядом. Наследник сел от нее по левую руку и теперь, по правилам этикета, должен был за нею ухаживать.

–Только сильно не флиртуйте, – снова бросил царь и улыбнулся. На сей раз Мария Федоровна, которой, очевидно, наскучил однообразный юмор супруга, не поделила его эмоций. Да и самой Мале было не до смеха – все время, пока она танцевала, ей казалось, будто Николай Александрович смотрит на нее очень пристально, и, если бы она хоть мгновением поймала его взгляд, хоть бы минуточкой доли ответила ему, то непременно потеряла бы равновесие прямо там, на подмостках. Теперь же он сидел рядом, и она буквально не знала, куда ей девать глаза. Надо сказать, что он тоже был порядочно смущен – в отличие от обычного королевского отпрыска, скромность была ему весьма присуща.

Не найдя подходящего слова, с которого следовало бы начать разговор с юной дамой, он взял в руки эмалированную кружку, что стояла на столе и повертел ее перед собой.

–Ха, какое убожество. Вы небось дома-то не пьете из таких кружек?

Маля расхохоталась, и тем самым показала ему, что вовсе не так следует начинать светский разговор.

–Да, простите мне мою неуместную фразу... Вы, кажется, обронили, когда танцевали...

Наследник протянул ей руку – в ладони был зажат маленький серебряный браслет. Она вытянула вперед свои запястья

– на одном из них был похожий. И когда только он успел заметить такую малозначительную деталь ее гардероба? Или это просто такая попытка ухаживания?

–Как видите, Ваше Высочество, браслет у меня один и он на моей руке.

–Не может быть! Когда вы танцевали, он упал прямо к моим ногам!

Она впала в краску и подняла глаза, лихорадочно ища за столом хотя бы одного, кто мог бы откомментировать такое поведение будущего Государя. Насколько ей было известно, он не слыл ловеласом или сердцеедом и потому не в его правилах было держать за пазухой этакий дежурный комплимент... Наконец случайно она встретила чей-то добрый и теплый взгляд. Все плыло от смущения перед глазами юной балерины и она не сразу разобрала, что взгляд принадлежал великому князю Сергею Михайловичу – сыну того бравого военного, Михаила Николаевича, что вечно своими плоскими шутками веселил всю императорскую фамилию и их приглашенных. Он одобрительно кивнул. Она взяла браслет.

–Благодарю Вас, Ваше Высочество...

–Не за что! – он перебил ее, очевидно, волнуясь. – Я правда уверен, что это ваша вещь. Не случайно же я отыскал ее после вашего, а не чьего-либо другого танца...

–Должна признать, что не видела у выпускниц подобной красоты...

–Я должен признать то же самое, – оба рассмеялись. По-

нятно, что ни о какой еде не могло быть и речи. Государь проявил такт и не вмешивался в их разговор, увлеченно беседуя с Всеволожским о каких-то танцевальных пустяках.

–Нет, правда, вы танцевали «Stella confidanta» просто блистательно! – продолжал рассыпаться в комплиментах Наследник.

–Пустяки, госпожа Цукки танцует его не в пример лучше.

–Полагаю, что когда у вас за плечами будет столь же внушительный опыт, вы заткнете ее за пояс. И потом не забывайте, что она не является представительницей русской балетной школы, а Государь, кажется, назвал вас славой и украшением именно русского балета!

Его Величество услышал, что речь зашла о нем, и в свойственной ему манере отшутился:

–Когда я был молод, ваши ровесники не приплетали в ухаживания родителей!

–Ну что вы, Ваше Величество, – попыталась было оправдаться Маля, а Николай сидел как вкопанный и только опустил глаза в пол. Казалось, он солидарен со словами государя. Затем Его Величество поднялся и ласково подтолкнул сына под плечо – они переходили от стола к столу, чтобы всем ученицам и их покровителям уделять равное внимание. Но весь оставшийся вечер ни на минуту не сводили Маля и Наследник друг с друга глаз – как видно, накаркал Государь. Видя это, он как будто хвалил сам себя за некстати брошенное слово.

Ища любую свободную минуту, чтобы взглянуть на Наследника, Маля вовсе забыла о значении сегодняшнего представления для ее карьеры, забыла обо всем на свете. Не видела она и влюбленных взглядов, что изредка из-под густых бровей бросал на нее великий князь Сергей Михайлович. А после, когда настала пора Царской Семье уезжать, Маля и Николай очень трогательно простились.

–Вы словно перевернули во мне что-то... – говорил он.

–Полно вам... – скромно отвечала она. – Хотя, встреча и впрямь была незабываемой.

–Обещайте, что будете скучать по мне.

–Обещаю, – отвечала она, сжимая в руке подарок будущего царя.

На следующее утро Малю словно поднял первый утренний весенний ветерок – была суббота и потому проснулась она в приподнятом расположении духа. Все произошедшее вчера казалось приятным сном, настолько восхитительно и нереально это было. До выпускного экзамена было еще целых два месяца – срок, кажущийся в ее возрасте сравнимым с вечностью, и оттого она о нем не думала. А может оттого, что мысли ее были заняты целиком Наследником. Она восстанавливала в памяти их вчерашнюю встречу, и ей казалось, что, прощаясь, они смотрели друг на друга иначе – не так, как когда встретились. Ей все время казалось, что зарождающееся чувство (в том, что оно зарождается, она была практически уверена) будет взаимным. И еще – ее все время пре-

следовало ощущение, что сегодня должно произойти нечто не менее удивительное и волшебное, чем вчера. Ей казалось, будто неизбежна встреча с Наследником и сегодня – хотя где и когда она могла бы произойти?

Едва проснувшись, Маля велела дворецкому Степану заложить шарабан. Много лет назад папа подарил ей двух маленьких пони, которых в шутку называли крысами феи Карабос, спешащей на упряжке из них на бал к Спящей красавице из оперы Чайковского. Так вот иногда она любила кататься на шарабане, запряженном ими, по городу и просто отдыхать от напряженных балетных будней.

Запрыгнув в него, помчалась она в сторону Аничкова дворца... Ни о ком и ни о чем она сейчас не думала, кроме как о Наследнике. И– о, чудо! – стоило шарабану поравняться с императорской резиденцией, как она снова встретила глазами его. Его природная стать, скромные и размеренные движения и главное – этот взгляд. Пронзительный, голубой, искренний, как у ребенка, которому невозможно не доверять и от которого нельзя ждать никакого подвоха, никакой подлости или попытки воспользоваться своим положением. Он бродил вокруг дворца, время от времени наступая начищенным сапогом в лужи, опустив вниз глаза, но когда звон колокольчиков крыс феи Карабос только слышался у ограды резиденции, взгляд его, словно влекомый каким-то высшим чувством, оторвался от созерцания проталин и устремился туда, на звук. Их глаза встретились. Всего мгновение и едва

уловимые улыбки обоих – этого было достаточно, чтобы она поняла, что не ошиблась во взаимности появляющихся на свет Божий чувств. Едва увидев его, встретив еще малознакомый, но уже горячо любимый взгляд, она лихо развернула повозку и помчалась домой.

На обратной дороге она поймала себя на мысли о том, что даже не обратила внимания на то, в чем он был одет – была ли на нем вчерашняя форма или штатский костюм. Она смотрела только ему в глаза. Впрочем, и он смотрел туда же.

Приехав, она собрала за столом всю семью и стала заплетаящимся от волнения языком рассказывать домашним о такой чудесной встрече, ставшей продолжением вчерашнего раута, но все только улыбались ее рассказу – никто в него не верил, считая лишь рассказами влюбленной в цесаревича курсистки. Мало ли таких, господи! Да и нужно ли ей было чье-то одобрение? В глубине души она даже радовалась такому скепсису домашних – ей не хотелось делиться своим счастьем даже с самыми близкими!

1 июля 1890 года, Красное Село.

-Итак, уважаемые дамы, с сегодняшнего дня вы являетесь выпускницами и зачисляетесь в состав Императорского Театра. Ваш первый сезон состоится в Красном Селе в поле-вом театре великого князя Николая Николаевича спустя две недели. Поздравляю вас с этим знаменательным событием в

жизни и желаю всем и каждой внести наибольший, что в ваших силах, вклад в развитие и историю русского балета, – руководитель Дирекции Всеволожский стоял перед исполненными радости и приятного предвкушения танцовщицами, вытянувшись во фрунт. Отныне им предстояла самостоятельная жизнь артисток балета. Права на ошибку не было ни у кого, а у Мали – всего меньше. Через две недели все выехали в Красное Село.

Сооруженный по приказу Николая Николаевича полковой театр представлял собой огромную деревянную конструкцию наподобие древнегреческой анфилады или открытых театров города Рима. У нас таким манером строят цирки – так, что сцена (или арена) находится в середине окружающих ее поднимающихся к небу зрительных мест. Актерские уборные шатры стоят под зрительными местами, а выходят актеры через особый коридор, расположенный между рядами. Отыскать в этой сплошной череде бивуаков уборную того или иного артиста наугад невозможно – надо точно знать, в какой именно шатер входит служитель Мельпомены, чтобы застать его вне представления. Конечно, Мале, привыкшей хоть не к изыскам, но к относительному порядку и чистоте своих покоев даже в училище, сложно было здесь отдохнуть или как следует подготовиться к выступлению. Она первый день приехала, вещи были разбросаны по всему шатру, а к выступлению, которое должно состояться всего через пару часов она, казалось, вовсе не сумеет подготовиться в этих

полевых условиях. Она точно не знала, придет ли сюда Ники сегодня, да и вообще, но догадывалась, что должен быть – о приезде почти всех членов Семьи танцовщицам было известно заранее.

Все изменилось, когда завеси шатра распахнулись, и он, в черкеске, с откинутым назад казачьим башлыком, появился на пороге. Все те же голубые глаза, излучающие добро и свет, все та же окладистая постриженная борода, протянутый от эполета до пуговицы аксельбант... Все, что бросалось в глаза при первой встрече, присутствовало и сейчас. Разве что он – он словно был каким-то другим, слишком много смелости читалось в его движениях.

–Вы... Ваше Высочество...

–Оставьте, – улыбнулся он и сделал шаг вперед. Как только шатер закрылся, она подошла к нему ближе. Она покраснела и будто бы перестала отдавать себе отчет в своих действиях, какая-то неведомая сила двигала ей все то время, пока они вдвоем были на столь недопустимом расстоянии, которое все время хотелось сделать еще более недопустимым.

–Я очень соскучилась по вам.

–Я тоже, потому я сегодня здесь.

–А Государь?

–Папа тоже здесь, но ненадолго. Он проведет лагерный сбор, потом уедет... Вы так спрашиваете, будто больше скучали по нему, а не по мне!... – в шутку, как бы обидевшись, бросил Николай Александрович.

—Ну что вы... Просто я беспокоюсь о том, что он подумает, если увидит вас выходящим из моего шатра.

—Ничего особенного он не подумает — все великие князья беседуют с артистами перед представлением.

Еще один шаг навстречу друг другу. Расстояние предательски сокращается. И это — в такой опасный момент, когда толком не запирается ни одна дверь и все время есть возможность, что кто-то войдет. Ох, уж эти влюбленные — вечно самые рискованные поступки совершаются ими там, где они гипотетически находятся не одни.

Наследник притянул ее к себе, видя все больше охватывающее ее смущение и то, как она пытается с ним бороться. Секунда — и губы их встретились так же тесно, как раньше встречались глаза.

—Что вы делаете, Ваше Высочество? — отпрянув от него, воскликнула Маля.

—Ничего особенного. Разве вы не хотели того же?

—Сложно сказать, чего я хотела... — она опустила глаза и стала было пытаться оправдать себя и свои чувства, как вдруг он поднес палец к ее губам.

—Ни слова больше. Поступки говорят больше и красноречивее слов, а слова — суть одна ложь. И просьба — не будем больше придерживаться официоза. Мы оба прекрасно поняли, что произошло между нами в первый вечер. И на следующее утро, когда ты встретила меня у Аничкова дворца, я думал только о тебе. Признаться, несмотря на возраст, со

мной такого раньше не случилось. Ведь казалось бы...

Теперь уже она остановила его речь тем же жестом.

– Хорошо. Только и ты не говори больше ни слова. Только я, признаюсь, не знаю, как нам теперь называть друг друга...

– Называй меня Ники – так зовут все домашние.

– А ты? Как ты будешь меня называть?

Он улыбнулся:

– Я буду называть тебя моя маленькая милая пани.

Оба расхохотались. Часы на стене шатра пробили пять часов – через полчаса начнется выступление, а она даже не была на репетиции. Наскоро выпроводив возлюбленного, она едва успела переодеться и со всех ног рвануть на сцену, когда вдруг возле шатра лоб в лоб столкнулась с Государем. Он только что прибыл, вид у него был уставший, так что признать в нем царя не каждая смогла бы. Вовремя остановившись, она отвесила ему традиционный глубокий реверанс.

– Доброго дня, Матильда Феликсовна, – улыбаясь, приветствовал ее Император. – Спешите куда-то?

– Да, Ваше Величество, на репетицию, и уже безнадежно опаздываю.

– Ничего, успеется. В вашем-то возрасте поспевать одновременно в пять мест – сущие пустяки. А опоздали, должно быть, потому что кокетничали...

Она улыбнулась вечно приветливому Государю. «Занятно, – подумала она, – что было бы, будь он моим свекром?» Но сразу отогнала от себя фривольную мысль. Александр

Александрович меж тем продолжал:

–Позвольте мне, как вновь прибывшему и потому тоже опоздавшему, сопроводить вас?

–Почту за честь, – она подала ему руку, и вместе они последовали к сцене. Стоило им двоим появиться там через несколько минут, как Всеволожского, по традиции стоявшего в окружении своих любимиц Рыхляковой и Скорсюк, едва не хватил удар. Маля поймала себя на вредной мысли о том, что ей начинает доставлять удовольствие фразировать публику новыми знакомствами.

Представление как всегда прошло великолепно. Маля танцевала фею Драже, о партии которой так давно мечтала, а после все закончилось общим Galop Infernal. Императорская Семья была в восторге.

Великий князь Николай Николаевич, родоначальник красносельских представлений, сидел в одном ряду с балетмейстером Львом Ивановичем Ивановым, своим горячим приятелем, и по окончании представления решил с ним поспорить на глазах у всех собравшихся. Артисты замерли на сцене, наблюдая их пререкания.

–Все замечательно, но галоп просто никуда как плох, – подытожил Николай Николаевич, повергая Льва Иванoviча в ступор.

–Отчего же? Галоп поставлен мною по всем канонам балетного танца. Он выдержан в определенных пропорциях и стиле, и никак иначе выглядеть не может.

Николай Николаевич махнул рукой:

–Ладно тебе ерунду говорить!

–Да что же не так, Ваше Высокопревосходительство?

–А все не так. Не может танцор поворачиваться в профиль, когда танцует галоп. Это тебе кто угодно расскажет, кто хоть раз бывал в театре, даже в простом, не говоря уж о балетном. Артист в лучшем случае может поворачиваться к залу на три четверти, и не более. Он должен быть обращен к залу, только к залу! И потому не более, чем три четверти. И потом – галоп, Лева, это же галоп, – отставной военачальник, князь уже порядочно завелся и кричал едва ли не на все Красное Село. – Кто же танцует его, перебирая ножками и едва касаясь пола?!

–А как же надо?! – Лев Иванович все еще недоумевал, но уже начинал улыбаться, понимая, что старик просто-напросто решил всех развлечь.

–Надо нестись как боевая лошадь на полном скаку... Да что говорить...

Сказав это, великий князь выскочил на сцену, зачем-то выхватил из ножен саблю и принялся отбивать по подмосткам такую чечетку, какой издававший виды театр не припоминал на своем веку. С момента своего сооружения в 1877 году в честь одной балерины, в которую Николай Николаевич, как говорили, был самозабвенно влюблен, такой фривольный танец великие князья на его сцене еще не исполняли. Он скакал, обратившись лицом к залу, отбивая каблуками настоя-

щую терскую лезгинку и совершая антраша с бешеной амплитудой. Лицо его покраснелось и залихватски подрагивающие усы словно бы подливали масла в огонь.

Публика и артисты поначалу замерли и не знали, как реагировать на поведение престарелого сановника. Уж не сошел ли он с ума? Но потом Лев Иванович подскочил со своего места и стал аплодировать па-де-труа приятеля, заливаясь хохотом и крича:

– Вот это потеря для русского балета! Вся моя жизнь и все мои постановки есть сушая бездарность по сравнению с талантом этого большого актера!

Зал разразился хохотом. Не смог от не удержаться и виновник – великий князь едва ли не грохнулся об пол в истерике. После Маля подойдет к нему на правах дочери его друга, балетмейстера Кшесинского, и спросит у него, что все это означало, а он ответит ей в свойственной Романовым манере:

– Ну а что?! Все сидели словно не в зрительном зале, а на лекции скучного профессора. Балет – это радость, это феерия, это полет, им жить надо. Внутри все должно трепетать, а эти напыщенные индюки сидят как на приеме у Высочайшей Особы. Надо было выкинуть им что-нибудь эдакое!

А когда она рассмеется от его ответа, бросит лишь:

– Кланяйтесь папеньке, – и уйдет.

Все еще долго будут смеяться, но не до смеха будет одному цесаревичу – он еще не сказал Мале, зачем на самом деле

приехал, и почему им вскоре придется надолго расстаться.

Глава II.

Клин клином

«...только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие...»

Николай Александрович, наследный принц престола, во время путешествия в Японию в 1891 году².

Расставание было связано с кругосветным путешествием, в которое Ники предстояло отправиться буквально на днях. Вояж должен был продлиться 9 месяцев и закончиться его визитом в Японию. Детсья от этого было никуда нельзя – в первую очередь он был Наследником престола, а уж потом ее возлюбленным. Маля все понимала, но буквально не находила себе места те несколько дней, что он приходил за кулисы, в ее шатер, чтобы поговорить перед длительной разлукой. Частые встречи с ним стали сродни наркотику или попыткой, как писал Горький, надышаться перед смертью – тем мучительнее они были оттого, что отъезда было не избежать.

² Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890-1891. – СПб., Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, 1897. – Т. 3.

И он случился...

Маля ни на минуту не выходила из головы Никки – это было неудивительно, польским красавицам не первый раз приходится поражать сердца русских царей. Одна Марина Мнишек чего стоит!

Так часто бывает, что в периоды романтической влюбленности мы часто видим перед глазами блаженный образ – образ той, что ворует наши мысли, словно подменяя их своим лицом. Потому влюбленному человеку ничего не стоит влюбиться снова; пустить в голову к себе человека нового, не до конца расставшись (а иногда и вовсе не помышляя о расставании) со старым...

15 апреля 1891 года

-Послушай, что это у всех у них на руках такое?

Цесаревич и принц Георг сошли с палубы корабля. Солнце встречало их в порту Нагасаки и словно бы знаменовало ранний приход лета в Японию – они были его предвестниками и проводниками. Цесаревич раньше никогда не видел татуировок, для него не в диковинку были разве что клейма, какие помещики ставили своим крестьянам, чтобы беглых, их легче было поймать. Здесь же едва ли не каждый второй, кого Наследник встречал, носил на руке разноцветный рисунок. Понятно было, что нарисован он не просто краской на коже – пот и соленая вода Красного Моря быстро бы смыли

их с тел простых японцев.

—Ты что, никогда не видел татуировки? — улыбнувшись, спросил более осведомленный греческий принц, приходившийся ему кузеном.

—Нет, а что это? Как наносится?

—На кожном эпителии делается надрез по всему контуру рисунка, который ты желал бы нарисовать, а после краски разных цветов запускаются по этому желобу...

—Красиво...

—Только не говори, что ты бы хотел оставить на своем теле такую память о пребывании в здешних местах...

—Почему нет? — хохотнул Ники.

Георгий посмотрел на него как на большого ребенка, но параллельно и сам задумался над тем, чтобы оставить на своей руке напоминание о посещении Страны Восходящего Солнца.

—Меж тем ты должен понимать, что любой рисунок и любая надпись на теле символически вносят изменения в твою жизнь, а потому хорошенько подумай над выбором предстоящего узора...

Ники задумался:

—Что ж, пожалуй, это будет дракон.

—Дракон? Но почему?

—Во-первых, это красиво, а во-вторых, и китайцы, и японцы верят в особую силу, значимость этого животного. Отец говорит, что страной надо управлять достаточно жестко.

Как-то раз, припоминая, состоялся у него разговор с одним немецким военным советником, приглашать которых вошло в традицию русских царей еще со времен Петра. Так вот отец спросил у него, что в его, немца, глазах в действительности представляет собой Россия. Тот ответил, что, выражаясь фигурально, сие есть огромный котел, в котором кипят газы. Время от времени то тут, то там происходят особые их скопления, влекущие взрывы, но преданные Государю люди с молоточками подбегают и забивают образовавшиеся дыры молоточками. Меж тем однажды взрыв произойдет такой силы, что просто так ликвидировать его последствия не получится. Вот этот-то разговор и зародил внутри меня стойкое убеждение того, что только сильная рука в управлении империей способна предотвратить этот взрыв или же устранить его последствия. Однако, должен тебе признаться, что я как раз менее всего подхожу на эту роль. В то же время я старший сын, и наследовать престол предстоит именно мне. Само по себе отречение есть акт уже ужасающий для страны, так что... Я втайне надеюсь, что ты прав, и невинный рисунок изменит мой образ жизни и мой подход к оценке явлений...

Георгий улыбнулся рассудительности кузена. Они решили сделать татуировки на руках. Вот только сам Георгий несколько ошибся, описывая процедуру ее появления. Он, сам толком не разбиравшийся в искусстве тату, наивно полагал, что стоит художнику нанести контур и разлить по нему

краску соответствующего цвета, как картинка явится словно бы сама собой – он не сказал своему визави о том, что про-рисовывать иглой на коже будут не только каждую деталь в ее контуре, но и все будущие цветовые каналы. Одним словом, крови будет много. И потому, как только соответствующий мастер был подобран службой протокола и к вечеру того же дня доставлен в Нагасаки, оба наследных принца столкнулись с необходимостью терпеть просто жуткие боли в течение ни много, ни мало, 7 часов. А результат того стоил – после процедуры, ощущая себя героическими партизанами, выигравшими бой у жуткого нерусского противника, принцы хвалились друг другу своими шикарными узорами, которые спустя несколько дней должны будут стать еще более прекрасными. Дракон на руке у Ники получился особенно живым. Ах, как бы ему хотелось, чтобы он оказал на него то магическое влияние, о котором говорил Георгий!

Вскоре предстояло ехать в Оцу. Ники не знал, но местные власти уже предприняли беспрецедентные меры безопасности, так как радикалы только того и ждали, чтобы между Россией и Японией началась война. Убийство наследного принца – разве мировая история знает повод лучше? Антирусские настроения царили в Японии ко дню приезда Наследника, о чем Государю регулярно докладывал российский посланник Шевич, но Его Величество не решился раскрыть перед Николаем всей правды, отправляя его в Японию – как он полагал, визит такого уровня для страны первый (наслед-

ный принц, без пяти минут глава государства), и те не посмеют поднять на него руку. Между тем, масла в огонь то и дело подливало самурайское сословие. Оставшись не удел в период реставрации Мэйдзи, они ежедневно сталкивались с необходимостью поиска хлеба насущного, в то время как война снова вернула бы им былую славу и мощь, уважение правящего двора и жизненную потребность в них всей страны.

Памятуя об этом, правительство Японии сделало все, чтобы визит Наследника в Оцу – место сосредоточения основных ксенофобских элементов – был максимально безопасным. Был принят даже особый закон, карающий смертной казнью любую попытку покушения на иностранного гражданина, будь то заезжий турист или наследный принц. Но и этого, как видно, оказалось мало...

До того они путешествовали морем, в этот раз из Оцу в Киото отправились на рикшах. Ники было это в новинку – видеть, как человек на своих плечах перевозит повозку с другим человеком на борту. Правда, рикшам помогали толкачи, но все равно телега была слишком тяжелой, чтобы так легко и мастерски управлять ею. Наследник все время боялся, что вот-вот рикша падет под тяжелой ношей и потому старался даже не дышать, не говоря уж о лишних движениях.

Процессия из пяти повозок следовала впереди. Тележки с Ники, принцем Георгом и принцем Арисугавой Такэхито ехали в самом конце строя. Телега гремела, камни трескали

под ее колесами, так что Ники не сразу услышал звук приближающегося на большой скорости к нему человека. Только когда он издал какой-то звериный крик, Наследник обернулся лицом к нему.

Цуда Сандзо, безработный самурай, отставной полицейский, с саблей наперевес бежал против него. Ники даже не успел пошевелить губами, как сабля резким взмахом его руки обрушилась тому на голову. Не в силах поднять крик, Наследник спрыгнул с тележки и бросился бежать.

Рикша почувствовал, что груз упал. Увидев обезумевшее лицо Сандзо, сжимавшего саблю и готового броситься следом за Николаем, он кинулся ему наперерез. Тут же подоспел принц Георг – взмахнув бамбуковой тростью, он сбил преступника с ног. Перепрыгнуть тележку рикши также оказалось не так-то просто – сабля вылетела из его рук, и ее сразу схватил рикша. Громко взвизгнув что-то на своем языке, он ударил супостата прямо по спине. Сандзо потерял сознание, и только тогда к месту сбежалась полиция...

Арисугава догнал Николая и попытался объяснить тому, что опасность миновала. Только в этот момент японский принц увидел, что голова Ники рассечена сразу в трех местах – раны были неглубокие, но сильно кровоточили. Они еще не болели – скорее, Ники овладел шок от случившегося. Причем такой силы, что он, дабы победить его, к удивлению врачей, во время наложения бинтов преспокойно курил и думал о чем-то отвлеченном...

Правительство бросило все силы на то, чтобы преодолеть и скорее исчерпать инцидент. Принц Георг, кузен Ники, знал, как лучше повлиять на его благосклонность. Какой русский не любит вина и красивых женщин? Так что уже на следующий день, прибыв в Киото, двое цесаревичей отправились в веселый квартал, где Ники и было «организовано» знакомство с Моорокой Омацу.

Трудно сказать, думал ли о Мале Ники в эту минуту. Скорее всего, думал, потому что мысленно все время проводил между ними параллели... Чудесной красоты была эта женщина, чей восточный колорит невозможно было описать словами. Да, Наследник и раньше слышал о том, что японские красавицы могут помутить сознание, но те представления о них, что он имел, глядя на портреты раскосых девиц с сознательно очерненными зубами, не отвечали его представлениям о красоте. Только сейчас он понял, что портрет, принадлежащий кисти даже самого выдающегося художника, не в состоянии отобразить реальной картины.

Ее черты лица, выгодно подчеркнутые косметикой, напоминали изгибы японских холмов – такими правильными и отточенными они выглядели. Украшенные черной краской зубы несколько не отталкивали, а наоборот, притягивали внимание к губам ее, редко открывающимся, но всякий раз издававшим напевные звуки. И главное, конечно, глаза. Узкие разрисованные щелочки излучали грусть – вековую, неизбывную, грусть целого народа. Его попытки заглянуть

в глубину этих глаз, в их черную пустоту, наполненную великим смыслом, все время наталкивались на стену – неприступной она была как физически, так и духовно.

Моорока пела ему старинные японские песни, играя на сямисене, а после переводила их. Грамотная, образованная, как настоящая гейша, она знала немало языков. Также она первой приучила его к саке – на первый взгляд, невкусному и отталкивающему саму суть русского человека, но в то же время такому пьянящему. После возлияния так не хотелось подниматься с ковра в изакая, специально оборудованном для высших лиц государства, и так предательски болели раны на голове, которых он не чувствовал еще вчера.

Опершись на предплечье, Наследник спрашивал у нее:

– Скажи мне, Моорока, отчего полученные вчера раны болят, тогда как вчера нисколько не болели?

– Они болели и вчера, Ваше Высочество, просто вы не замечали этого. Так часто бывает...

– Однако, ты, как я погляжу, будешь умнее наших великих княжон...

– Образованность – необходимая гейше черта. С ней должно быть интересно и простолюдину, и наследному принцу. Неужели вам интересно со мной?

– О, еще бы. Я в жизни бы не узнал столько об истории твоей страны, если бы не твои песни и рассказы.

– Просто вы слишком заняты для того, чтобы постигать эту науку. Я обучалась этому долго и упорно, в то время, как

вы исполняли более важную государственную службу...

– Да какая там важность, одно позерство! – раздобрев после выпитого, Наследник пустился в откровения. Одновременно с этим он взял ее за хрупкую талию и придвинул к себе ближе.

– Зачем? – запротестовала было Моорока.

– Чтобы лучше видеть и слышать тебя.

– Не всегда полезно слишком хорошо видеть или слышать что-то или кого-то. Так учит поэзия моей страны.

– Знаешь, у меня дома есть возлюбленная, но, к сожалению, не родовитая. Представитель Императорской Семьи и простая танцовщица, хоть и красивая, как и ты... Нам не суждено быть вместе, и я это понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Что в таких случаях следует предпринять?

– Лекарства от любви пока еще не знает ни одна наука...

– Нет, мой народ его знает. Знаешь, как у нас говорят? Клин клином вышибают! Истинно так. И я намерен сделать это.

Он резко прижал ее к себе и с силой, преодолевая ее сопротивление, поцеловал в губы. Она отпрянула от его ласки.

– Что вы?! Гейша не может вступать в близость, это же не дзеро!

– Не понимаю я этого, не понимаю, – отчаянно шептал он, снова и снова приближаясь к Моороке. – Только знаю, что ты для меня и есть тот клин, который выбьет из головы воспоминания о ней...

Моорока заплакала, тяжелые горячие слезы покатались по ее щекам.

—Ничего не выйдет, так ничего не получится.

—И все же надо попробовать, — срывая с нее красивое шелковое кимоно и повалив на ковер, страстно шептал Наследник, покрывая поцелуями ее нежную и тонкую кожу...

Их страсть озарила громкими звуками голоса и бьющихся в исступлении друг о друга тел едва ли не весь квартал. Израненный снаружи и изнутри долгим расставанием с любимой, Ники словно бы вымещал на ее хрупком тельце всю свою боль, весь свой гнев. А она только умывала его слезами и уносила на вершину блаженства — такого, какого он не испытывал ни с одной дворцовой фрейлиной...

Уже наутро Его Величество повелел прервать визит и вернуться. Против воли царственного и авторитарного отца Ники ничего не мог, да и не желал возразить — все равно смотреть в глаза этой дивной восточной принцессе после того, что он с ней сотворил, он уже не мог. Сидя на борту крейсера «Азов», который должен будет унести его во Владивосток, он писал японскому королю:

«Прощаясь с Вами, Ваше Величество, я не могу не выразить подлинную благодарность за добрый приём со стороны Вашего Величества и Ваших подданных.

Я никогда не забуду добрых чувств, проявленных Вашим Величеством и Императрицей. Глубоко сожалею, что был не в состоянии лично приветствовать Её Величество Импера-

трицу. Мои впечатления от Японии ничем не омрачены. Я глубоко сожалею, что не смог нанести визит Вашему Величеству в императорской столице Японии...³»

Все же Ники уплывал с легким сердцем. Бог с ними, с рабами, на теле молодого еще человека они срастутся быстро. А все же Георгий был прав, подумалось ему, – что-то от дракона и впрямь поселилось в его сердце, после появления того рисунка. Он стал настойчивее, жестче и прямолинейнее, что ли. Такой человек, пожалуй, сможет управлять государством...

А главное – он знал, куда, а вернее, к кому он отправится первым делом. И уж теперь неприступная полька не сможет одолеть его натиска, после столь долгого расставания он добьется своего.

Глава III.

Любовный недуг

Чудовищность во всех ее проявлениях врывается в страшные жесты Гортензии. Ее одиночество – эротический механизм, ее усталость – динамичность любви. Во все времена она находилась под наблюдением детства, эта пылающая гигиена рас. Ее двери распахнуты перед бедою. Там мораль

³ Накамура С. Инцидент в Оцу и японское правосудие // Японцы и русские. Из истории контактов / Общая редакция д-ра ист. наук Б. Г. Сапожникова. – М. : Прогресс, 1983. – С. 242—253. – 304 с. – 50 000 экз.

современных существ воплощена в ее действии или в страстях. О ужасное содрогание неискушенной любви на кровавой земле, под прозрачностью водорода!

Артюрь Рембо, французский поэт⁴

4 августа 1891 года, Красное Село

В первый же день после прибытия Ники отправился на спектакль в Красное Село. Театр был перестроен под основательное здание, и теперь труппа выступала в нем круглый год. Давали оперу «Мазепа», в одной из главных ролей, конечно, была его милая маленькая пани. Влюбленные были рады видеть друг друга даже через рампу, но после, оставшись за ужином в компании Михайловичей – детей великого князя Михаила Николаевича, Сергея и Саши (Сандро), – и улучив момент, все же объяснились друг перед другом в несколько надрывном тоне.

– Ты как-то холодна ко мне, – подметил Наследник, не сводя глаз с Мали. Она свои упрямо прятала. – Что случилось?

– Однако, твой вопрос звучит даже оскорбительно. Тебя не было 9 месяцев, ты не написал мне ни одного письма, а после являешься как снег на голову и удивляешься, почему я растеряна в своих чувствах и в своем к тебе отношении?

⁴ Рембо А. Озарения. Опус XXXV. Н. – 2015, город Москва, издатель Литагент «Написано пером», isbn: 978-5-00071-387-7.

–Видишь ли, я порывался тебе написать несколько раз, но всякий раз меня останавливала неопределенность в наших отношениях. Я все же государственное лицо, и моя корреспонденция не является только моим, интимным делом. Я писал rara en mata, это понятно, они все же мои родители. А ты? Кто ты мне на сегодняшний день? Как воспримут, если в Зимнем или в Аничковом узнают, что я пишу тебе?

–Интересно... – задумалась Маля. – В чьих же руках изменить ситуацию? Кто может на нее повлиять? Не мы ли сами?

–Именно так. И я вернулся в твердой уверенности, что нам пора это сделать. Я думал о тебе каждый день, если не каждую минуту. Ты не выходила из мой головы, не давая думать о государственных делах, бывших основной целью моего пребывания в Японии. Однако, тамошний колорит... Ты только посмотри, что я сделал, – он закатал рукав, демонстрируя Мале красивую татуировку, ставшую вечной памятью о пребывании в Стране Восходящего Солнца. Она ахнула – как и он, ранее она никогда не видела таких изображений на теле человека. – Тебе нравится?

–Не то слово... Но почему дракон? Он ведь не имеет к российским традициям никакого отношения.

–Не знаю, – пожал плечами Ники. – Мне вдруг подумалось, что такая татуировка сможет сделать меня более серьезным, жестким, настойчивым человеком.

–Но ведь не все должны быть такими. Ты мне нравишься

и в своей теперешней ипостаси...

—Зато себе не всегда нравлюсь.

Подали кальян. Восточное развлечение было одним из любимых для юного Николая Александровича. Вместе с кальяном в комнату вернулись Михайловичи. Сандро в шутку сказал:

—Все флиртуют! Нет, ты посмотри на них, все-то они флиртуют! А ну, как царь-батюшка узнает обо всем! Несдобровать вам, господа любовнички, а?

Никто не воспринял его тираду всерьез, да и сам он, казалось, понимал всю абсурдность сказанного, так что громко расхохотался и уселся за стол. Стол был накрыт прямо в уборной Мали, разве что ухаживать за ним просили дворцовую свиту Наследника, часто разъезжавшую с ним. Это были несколько гусар, которых Маля еще толком не знала, но которые иногда, в зависимости от благорасположения наследника престола, могли сесть с ними за стол. Мале было все равно — главным для нее по-прежнему оставался Ники.

Вскоре ужин закончился, и члены компании оставили влюбленных вдвоем. Напор, который цесаревич демонстрировал своей пани, был ей приятен, но и настораживал в то же время. С одной стороны, она была влюблена, как и он, и такие проявления чувств импонировали обоим. С другой — она корила себя мысленно за то, что, несмотря на девятимесячное молчание с его стороны, ведет себя доступно по отношению к нему. Меж тем, вскоре эти мысли ее улетучились...

Да и разве могло быть иначе, когда губы любимого были так близко, а его руки так нежно ласкали ее заждавшуюся плоть? Он был у нее первым, часто думал об этом по дороге сюда и не вполне находил себе оправдание, но ничего не мог с собой поделать. Некстати надетый кринолин был разорван в порыве взаимной страсти – никто и не знал, кем именно. Оба жаждали отдаться скорее порыву, о котором Маля только еще мечтала, а Ники страстно желал...

А уж после предаваться ласкам и смотреть друг другу в глаза – то, что оба так любили делать.

–Интересно, – все шутила она, – что ты станешь делать, коль скоро я рожу от тебя ребенка?

–Я буду самым счастливым человеком на свете, только после того, что было, это сразу не получится.

–Почему?

–У тебя все случилось первый раз, такова уж наша анатомия...

–Но ведь не последний?

–Как ты можешь говорить такое? Я налюбоваться на тебя не могу, надышаться тобой...

–Когда же мы увидимся вновь?

–Еще не знаю. Нам с отцом предстоит путешествие в Данию до конца года. Уезжаем, наверное, завтра или послезавтра. Потому тебе придется еще немного подождать – но совсем немного. Ведь эта короткая разлука уже не способна повлиять на наши чувства?

—Нисколько, — Маля отвела глаза. Ей не хотелось ранить его, но и самой было не по себе от вечных расставаний с объектом своей страсти. Конечно, она понимала, что Ники как государственное лицо и будущий царь будет много разъезжать по миру по государственным же делам. Понимала она и то, что, скорее всего, вместе им быть не придется — еще не знала русская история браков царей с дворянами, а не с представителями правящих же родов, и нарушение этого правила могло стоить трона Наследнику. Однако, разве разумом живет влюбленное сердце? Ему вечно жизнь видится не такой, какая она есть на самом деле, вечно оно пребывает в облаках выдуманных им самим фантазий и образов, вечно грезит, а грезы, как известно, далее всего отстоят от жизни земной. И когда видишь это, детская обида подкатывает к горлу и хочется возопить от несправедливости!

Ники почувствовал ее обиду и недовольство, снова крепко обнял ее.

—Ну перестань, прошу тебя. Мы пережили и куда более долгое расставание. А они, как известно, только укрепляют настоящую любовь...

Последняя фраза понравилась ей, она улыбнулась. Он почувствовал, что может ехать со спокойным сердцем. Правда, теперь ему придется ей часто писать, но это было ему скорее в радость, чем в обузу.

Вскоре он и впрямь уехал. Мале было все труднее скрывать свои переживания по этому поводу, и она, не имея воз-

возможности откровенничать об этом с родителями (по понятным причинам), решила поделиться ими со своим крестным. Поль Сракач был владельцем большого петербургского магазина нижнего белья «Артюр». Профессия обязывала его быть человеком легкого нрава, свободно сходитьсся с самыми разными людьми и уметь втираться в доверие. Последнее удавалось ему особенно хорошо. Он был крестным Мали, но с ее родителями они последнее время общались все реже – по закоснелому мнению отца Мали, владелец салона нижнего белья не может быть высокоморальным человеком, каким был сам Феликс Янович. Между тем, если кто и мог понять страдания молодой девушки, влюбленной в персону такого уровня, то это, без сомнения, был Поль.

–Ах, Поль, – разоткровенничалась Маля за чаем, сидя в его большом красивом доме возле Адмиралтейства. – Если бы ты только знал, какие душевные муки я переживаю сейчас только от того, что не могу поделиться охватившей меня страстью...

–Да уж кто ж не знает? – хохотнул розовощекий франт, сидевший напротив нее, и никак не похожий на человека, годившегося ей в отцы.

–Ты что? Что ты говоришь? Откуда кому что может быть известно?

–Не знаю, как в Париже или в Москве, а в Санкт-Петербурге подобные сплетни разносятся достаточно быстро. И господин Суворин, и генеральша Богданович уж сообщают

свету о твоих взаимоотношениях с цесаревичем.

– Вот уж действительно говорят, лучше грешным быть, чем грешным слыть... – в сердцах опустила глаза Маля.

– Неужели между вами ничего не было? – в удивлении вскинул брови Сракач.

– Ах, Поль... Разве это меня сейчас гнетет?

– А что же, mon angie?

– То, что мы вечно в разлуке. Последнее его путешествие затянулось на 9 месяцев, в продолжение которых он не написал мне ни строчки. А сейчас – снова отъезд, на сей раз в Данию, откуда вернется он только к концу года!

– Но ведь ты же понимаешь, что он – наследный принц – и посещать другие государства есть его прямая обязанность!

– Понимаю, но, коль скоро мы любим друг друга и теперь уже не скрываем... ну, почти не скрываем этого, так что же мешает слать друг другу письма?

– Опять-таки его положение не всегда позволяет ему браться за перо в подобных фривольных изъяснениях!

– Я это уже слышала от него!

– В таком случае, – Сракач призадумался. – Я могу предложить тебе кое-что.

– Что же?

– Лучший способ отомстить – это совершить нечто подобное. Ты ведь об этом думаешь, не так ли? – Она хотела было возразить, но он не дал ей сделать этого. – Ты прекрасно оттанцевала свой первый сезон, и заслужила подарок, достой-

ный твоей красоты и твоего таланта балерины. Тем более я собираюсь сейчас в турне по Европе. Поедем же со мной? Я поговорю с Юлей, и она убедит твоего папеньку отпустить тебя в моем обществе. Там ты развеешься и сможешь принять взвешенное и обоснованное решение относительно того, как дальше жить и как следует поступать.

Маля задумалась. Щеки ее запылали румянцем, а глаза заблестели, из чего сразу можно было понять, что она примет предложение крестного. Но не месть и не банальное желание оттаскать Наследника за чуб двигало ею в эту минуту, а слабая надежда на то, что программа европейского турне ее и Сракача хоть на мгновение пересечется с программой турне Наследника. Никогда прежде не бывавшей за границей Мале вся Европа казалась такой же маленькой, как Петербург, много раз даровавший возлюбленным случайные встречи. Ах, как она была наивна и смешна в этом своем порыве!..

Разговор с матерью балерины прошел у Сракача удачно – и Феликс Янович, хоть и нехотя, а отпустил дочь проехаться вместе с ним во Францию и в Италию. О посещении Дании сразу не было и речи, но – опять-таки влюбленное сердце – Маля тешила себя надеждой, что вот-вот Императорская Семья появится где-нибудь в пути ее следования каким-нибудь чудесным образом. Ясное дело, что, когда этого не случилось, она снова по-детски расстроилась.

Между тем, нельзя было назвать это ее путешествие ли-

шенным приятных и радостных воспоминаний. Чего стоит одно посещение знаменитого женского монастыря в Лурде! Несмотря на чопорный и строгий облик этого заведения, сестры показались Мале очень доброжелательными и доверчивыми. Одной она даже умудрилась рассказать историю своей исполненной печали, но в сущности прекрасной любви, а та пообещала возносить за нее молитвы! Такое приятное впечатление оставил после себя Лурд, что не хотелось оттуда уезжать. На обратном же пути она очень рассмешила Сракача своим признанием того, что наверняка не смогла бы остаться там жить навечно, а также своей искренней жалостью к сестрам, лишенным буквально всех радостей мирской жизни.

Потом будут Биарриц и Марсель...

Венцом печали стала для путешествия смерть Артюра Рембо – как сама Маля зачитывалась порой его стихами, так и Сракач, если следовать его логике, вылившейся в название магазина, был его поклонником. Да и какой настоящий романтик, какой искренне влюбленный хотя бы раз в жизни не любит Рембо?! Одна его биография чего стоит. Никому не известный подросток отправился в путешествие по югу Бельгии и северу Франции и умудрился познакомиться в дороге с великим уже тогда Полем Верленом, для которого он на долгие годы станет не просто другом, но спутником жизни-любовником. Затем Верлен оплатит ему дорогу в Париж, и, прибыв туда, Рембо поселится в его доме. Супруга Вер-

лена – 17-летняя Матильда Моте – будет против их отношений, как по причине супружеской ревности, так и по причине того, что дерзкий юнец будет презирать идеалы семьи и чистоты, относя их к мещанству. Вечные конфликты с супругой писателя заставят его оставить их жилище и скитаться по притонам и клубам, то и дело ввязываясь в неприятности с законом, из которых добрый Верлен будет вытаскивать его снова и снова.

В 1871 году молодая и красивая фигура Рембо видится на баррикадах Парижской коммуны, нещадно разогнанной Тьером, а уже в 1872 году они вместе с Верленом совершают бегство. Устав от семейной жизни и втайне разделяя идеалы свободы и безграничной любви, Верлен уезжает с молодым избранником в Лондон, где вскоре они расстанутся. Напившись вдребезги, Верлен из ревности прострелит запястье очаровательному любовнику, за что получит 2 года тюрьмы и никогда больше не увидится с диктатором своего сердца. Тот же вернется в родной Шарлевиль, на ферму Роше и больше уж ничего не напишет за всю свою жизнь – иссякая, любовь навсегда лишает поэта источника вдохновения, так уж устроена Эрато. Рембо будет ездить по Африке и торговать кофе и пряностями, шкурами и оружием – заниматься делами, далекими от поэзии.

В феврале 1891 года он вернется в Марсель, где ему отрежут ногу – начнется злокачественная опухоль. И Маля, и Сракач очень спешили в Марсель, чтобы, быть может, в по-

следний раз увидаться с властителем дум всех влюбленных, но опоздали – буквально за несколько дней до их приезда сестра увезла его в родной Шарлевиль, где он скончался и был похоронен на маленьком городском кладбище. Известие опечалило путников, но не повлияло на торговые планы Сракача, которого коммивояжерские дела тянули теперь в Милан.

«Ла Скала»! Как много значили эти слова для Мали! Первое посещение храма прекрасного искусства, всего самого тонкого и дивного, что только существует под луной, не могло пройти для нее бесследно. После трагического известия о смерти Рембо визит в «Ла Скала» стал словно новым солнцем, взошедшим для Мали на горизонте. В тот вечер вместе со Сракачем они смотрели балет в постановке великого Энрико Чекетти! Пока Маля погружалась в технику танца, столь поражавшую ее в исполнении Вирджинии Цукки – ее давнего идеала, – Сракач заметил, как смотрит на его крестницу сын одного местного коммерсанта, Фаэти...

Пробыть в Милане им предстояло несколько дней, и, чтобы Маля не скучала от его вечного отсутствия, он решил их познакомить. Молодые люди понравились друг другу, горячая южная кровь итальянца сразила польскую пани со снежно-белой кожей наповал. Быть может, думал Польш, это знакомство позволит ей забыть о Ники, ведь ничего хорошего из этой связи для нее не выйдет. Сракач думал: «Он воспользуется ей и оставит, ведь им не суждено быть вместе!» Тор-

говец и мещанин, он мерил людей по себе. И именно этим руководствовался, когда знакомил Малю и Фаэти.

А Маля – все тем же, чем и Наследник не так давно, утопая в объятиях Моороки Омацу. Попытка выбить клин клином, отдаться страсти бурного и не в пример Ники темпераментного итальянца, чтобы прекратить наступать на грабли мезальянса с Наследником – вот, что двигало ей в ту минуту, когда она принимала его подобострастные ухаживания, а после и весьма страстный натиск в постели.

Но, как и у Ники, все было впустую. И, если его, мужчину, влекло к Мале после жарких объятий гейши нечто, как он думал, более сильное, чем просто плотское влечение, являющееся лишь отображением реального положения вещей, то ее к нему тянул стыд. Стыд за то, что она совершила, стоило ему отлучиться по государственному делу, а ей – выехать в Европу в сопровождении троюродного дядьки. Сракач теперь казался ей олицетворением греха, хотя еще пару недель назад она буквально боготворила его за возможность вырваться из России, где теперь не держало ее ничего; ведь ничто, кроме него, для нее и не существовало.

Коммерческие дела Сракача завершились, но еще раньше завершились ее отношения с Фаэти, встреч с которым она стала избегать после случившейся между ними близости. Сракач терзался догадками о причинах ее поведения, хотя и с неприязнью для себя отмечал: это могло значить лишь то, что отношения с Наследником для нее важнее и первее

всего. Что-либо доказывать и переубеждать, в том числе и деятельно, уже бессмысленно.

Домой Маля и Сракач возвратились в январе 1892 года. Наследник тоже только что прибыл из Дании. Как оказалось, все то время, что Мали не было в Петербурге, на ее имя шли царственные письма, которые родители любовно складировали на рояле, где обычно лежала непрочитанная корреспонденция дома Кшесинских. Хуже было то, что прочитывать полученные письма Маля была не в состоянии – по возвращении на глазу вскочил фурункул, ячмень. Неудивительно – после жаркой Италии перенестись в морозный Петербург было смерти подобно. Морозы усугублялись тем, что зима выдалась почти бесснежная, и только пронизывающий ветер с каналов и рек пробирал насквозь даже самых теплых «соболей».

Несколько дней она пролежала пластом с высокой температурой – то ли переживания, то ли развивающаяся простуда так дали о себе знать. Чуть оклемавшись, отправилась в Мариинку, просто как зритель – давали «Эсklarмонду», заглавную партию танцевала шведка Сандерсон, едва ли не больше самой Цукки некогда запавшая в сердце Мали. На глазу ее была повязка, и она смотрела лишь одним на умирающую в танце скандинавскую красавицу. А также успевала уследить и за пришедшим на премьеру Наследником. Он тоже встретил ее взгляд. Видимо, полагая, что она читала его письма, он как-то особенно призывно улыбался ей, особенно теплые

лучи посылал через весь зал, разделявший влюбленных. Однако, остаться было никак нельзя – было очень много народу, а рассказанное Сракачем об их отношениях не давало тонкой душе Мали успокоиться. Ей меньше всего хотелось бы, чтобы в их отношения влезала сплетня. Да и вид у нее был не очень, и вообще ей казалось, что она внешнестью выдаст совершенный ею грех. Оттого особенно сладостно было видеть его, любить на расстоянии (мазохистски), а после избегать встречи.

Однако, приказать что-либо себе не в пример тяжелее, чем другим. Город, с которым у нее связаны были самые приятные воспоминания, навевал их каждым своим шагом, каждым метром. Все здесь напоминало ей об их отношениях... Доктор все еще не разрешал ей читать, чтобы не травмировать глаза, но терпеть более она не могла.

В один из дней она решила прокатиться, как в былые времена их встреч, в сторону Аничкова дворца. Взобравшись в шарабан, Маля отправилась на конную прогулку. Погода несколько благоволила – шел мелкий снежок, сопровождаемый солнечными всплесками, из чего понятно, что было не так холодно, как остальные дни. Поравнявшись с заветной оградой, она остановила лошадей и стала ждать...

Несколько мгновений, пока Наследник с великой княгиней Ксенией Александровной не появились на пороге императорской резиденции, показались Мале вечностью. Оттого приятнее было увидеть его и одарить лучезарной улыбкой,

получая такую же яркую и солнечную в ответ. Он был бесконечно счастлив, и, хотя не мог сейчас этого произнести вслух, понять все можно было по его светящемуся лицу.

Следующим днем она повторила свой вояж – уже зная о примерном времени ее появления напротив ограды дворца, Наследник вышел ее встречать. А на третий день случилось чудо...

Глава IV.

Империя чувств

Не зло победит зло, а только любовь

Из дневников Императора Николая II

10 февраля 1892 года, Санкт-Петербург

Дворецкий Степан вошел в комнату Матильды. В небольшом их доме, разделенном пополам, по отдельному будуару принадлежало каждой из сестер. Комната Мали была отделена от отцовского кабинета стеной с дверью, заклеенной обоями и придвинутой комодом, переоборудованном ею же в туалетный столик, на котором она часто привыкла видеть цветы от Наследника. Последний раз посылка от него пришла сразу по ее возвращении – пару дней назад. Сейчас цветы постепенно увядали, чем немало огорчали ее – времена-

ми ей казалось, что таким же образом увядает любовь Ники к ней. Одним глазом, не закрытым повязкой от воспаления, печально взирая она на некогда величественную картину, когда престарелый слуга показался на пороге.

—К вам гусар Волков, — отчеканил он.

—Кто? Какой Волков? Не знаю... Впрочем, зови, — пожалала плечами Маля.

Пока она силилась вспомнить, кто такой этот Волков (быть может, кто-то из свиты Наследника, из тех гусар, что оставались ужинать в ее уборной в Красном Селе?), фигура Степана растаяла, сменившись... фигурой Наследника!

От неожиданности она едва не потеряла дар речи.

—Прости, чтобы не смущать тебя и не нарваться на «неприемный день», мне пришлось представиться вымышленным именем.

—Ты? Но почему ты не предупредил? Я в таком виде, — она закрыла лицо руками и отвернулась от него.

—Ну полно, право же, какая чепуха. Повязку я уже видел, и потому почел своим долгом явиться лично — ведь твое здоровье не безразлично мне...

—Вы балуете меня, Ваше Высочество.

—Прекрати немедленно! Или во время твоего отсутствия произошло нечто, что снова воздвигло между нами стену никчемного пафоса?

—А ты откуда знаешь про мое отсутствие?

—Мы живем в сравнительно небольшом городе, в котором

даже посторонние люди уже знают о наших с тобой отношениях больше, чем мы сами. Чему же ты удивляешься?

Она посмотрела на него – он улыбался, как будто эти слухи не доставляли ему неудобств и беспокойства.

–Ты так спокоен, как будто ничего не произошло...

–А что, собственно, произошло, и почему я должен волноваться?

–Но ведь ты же без пяти минут глава государства!

–Именно поэтому я и не считаю нужным волноваться. Пусть судачат, я до них снисходить не буду и тебе не советую... Лучше расскажи мне о своем здоровье. Что случилось?

–Точно не знаю. Думаю, что резкая перемена климата сыграла со мной злую шутку.

Ники щелкнул пальцами – и в комнату вошел Сандро. В руках он сжимал огромный букет. Как всегда брагурный и фиглярствующий, он вошел с песней:

–Сердце красавицы... склонно к измене...

–Сандро, – обрадовалась Маля и буквально кинулась на шею великому князю. – Как я счастлива, что ты здесь!

–Ха-ха, Ники, вот я и увел у тебя первую красавицу Санкт-Петербурга! – щелкнул каблуками Сандро, посмеиваясь в густые черные усы.

–Еще чего! – хвастливо улыбнулась Маля и обратилась лицом к Наследнику, разыгравшему нешуточную печаль. Она постепенно возвращалась в былую гавань, внимание

льстило ей, и Наследник угадал, пригласив с собой сегодня Сандро – возвращение в привычную ей действительность будет способствовать и восстановлению ее здоровья, и восстановлению их отношений, охладившихся по причине долгой разлуки. – У Его Высочества всегда будет приоритет в этом отношении, – она наклонилась к сидевшему Ники и поцеловала его в щеку, заставив впасть в краску. – Ты всего лишь великий князь, а он – целый Наследник.

Оба рассмеялись, а Сандро «поверженно» опустил голову. Ники влюбленно посмотрел на Маю.

–Наконец-то ты возвращаешься ко мне... – произнес он почти шепотом, одним губами.

–Или ты ко мне... Я так устала от этой разлуки...

–Теперь мы долго будем вместе. Никаких поездок ближайший год не предвидится, за исключением, разве что...

–За исключением? – напряглась Маша.

–Нет, пустяки.

–Ну и славно. Я бы хотела пригласить обоих вас на ужин, но сами понимаете, мое нынешнее состояние не позволяет этого сделать. Буду лечиться как можно скорее...

–Именно это Его Высочество и сказал мне, когда выезжали, – встрял Сандро. – Говорит, не могу больше видеть, как она, больная и вообще чуть живая разъезжает по холодному городу в попытках отыскать меня на задворках Аничкова, и поеду сам.

–Ах, Сандро, – смеялась Маша. – Полно тебе... А, кстати,

почему тебя так зовут?

—Отец 20 лет прослужил посланником в Грузии, там мы с Сергеем и родились. Оттуда и все наши грузинские пристрастия — вина, песни... широкий характер... — улыбнулся великий князь.

—Ну это ты, пожалуй, хватил. По широте грузинская душа куда как уступает русской, — поправил его цесаревич.

—Не знаю, не знаю, — внезапно посерьезнел Сандро. — Русский мужик и Бога слопаёт, как говорил знаменитый Базаров. После переезда скрытность и даже некоторая грубость русских бросилась в глаза нам, которые, хоть и являются русскими по крови, до весьма зрелого возраста все же не видели России. Там все было иначе — люди были добры и открыты, веселы и благожелательны...

—Люди людям рознь, — так же серьезно и вежливо упирался Ники. — Ты видел только элиту, сливки общества. Здесь же твоему отцу пришлось общаться с представителями разных социальных слоев. Там вам все привыкли угождать — посланник другого государства, а тем более, столь дружественного, всегда будет персоной грата при дворе тамошних князьков да царей. Так что не делай преждевременных выводов...

—А мне кажется, это твои выводы не верны, — горячая кровь бурлила в жилах Сандро, уже настолько вжившегося в роль грузина, что даже акцент какой-то приобрел. Маля поспешила разнять спорщиков:

—Ах, оставьте, господа. Не для того же вы приехали сюда

сегодня, чтобы спорить о людях и о политике. Скажите лучше, принимаете ли мое приглашение относительно ужина?

—Разве можно от такого отказаться, — подобострастно целуя ей ручку и глядя прямо в глаза, отвечал Наследник.

—Ну и славно. О дате я сообщу вам позднее. А теперь, Сандро, спой нам что-нибудь.

—Только под ваш аккомпанемент, уважаемая Матильда Феликсовна.

Она села за фортепиано и начала что-то играть. Ники не сводил с нее влюбленных глаз. Сандро пел, как всегда, надрывно, но никто его словно не слышал — он чувствовал себя сегодня здесь лишним, и где-то был прав...

Когда он закончил, Маля и Ники рассыпались в аплодисментах, а он стал нарочито кланяться, кокетливо отставляя ногу назад и тем самым становясь еще более смешным в глазах присутствующих. Наконец, пришла пора расставаться — расшаркавшись, Сандро сказал, обращаясь к Наследнику:

—Однако же, Ваше Высочество, пора и честь знать. Хотя мне и не по чину заявлять вам такое, я же всего лишь великий князь... — с шутливой укоризною глянул он на Малю и снова спровоцировал ее на застенчивый смешок. — А все же на правах двоюродного брата рискну. Не пристало так долго засиживаться у больной барышни, ей отдыхать пора.

—Ну полно тебе, Сандро, — стал отмахиваться Наследник, но Саша был непреклонен:

—Никаких «ну»! Немедленно кругом и марш домой! Когда

слишком сладко, то уже становится противно и нет никакой возможности есть!

—Ах, как видно, придется уступить силе, — Ники поцеловал руку Мале, уже, наверное, сотый раз за встречу и шепнул: — Постараюсь скоро прийти. Один.

Она улыбнулась и взглядом проводила двух паяцев в офицерской форме, оставшись наедине с только что принесенным свежим роскошным букетом. Чувства света и радости исполняли ее душу. Подойдя к окну, она махнула Наследнику рукой и вдруг подумала, что и без того обточившие об них языки столичные сплетники теперь просто взбунтуются. Но, к своему удивлению, это ничуть не тронуло ее — главным было сейчас то, что наконец они встретились с любимым так близко и так тепло, и оба были от этого более, чем счастливы. А уже вечером он прислал ей свою карточку со словами: «Надеюсь, что глазок поправляется... до сих пор хожу, как в чаду. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники».

А потом была целая череда любовных писем, адресованных ей...

«Милая Маля! Не знаю, как объяснить все, что происходит со мной с не так давно минувшего момента нашей встречи — я будто сам не свой. Перо дрожит в руке, хотя, казалось бы, не произошло ничего необычного. Просто, по всей видимости, долгая разлука сделала тебя еще желаннее, еще важнее для меня. Ты словно предстала для меня в новом свете, я увидел совершенно другую свою пани — но влюбился в нее

ничуть не меньше, чем в ту, что танцевала для меня 23 марта 1890 года... Ты спросила, не смущает ли меня такое внимание к нашим персонам, что имеет место на протяжении последнего времени в рядах петербургских сплетников. Так вот, восторженное и высокое чувство, что охватило меня в минуту нашей встречи, совершенно лишает меня рассудка. Я не думаю о последствиях, я словно в горячке – думаю, тебе знакомо то, о чем я пишу. Хотя я уверен, что никаких дурных последствий не может принести то благостное и светлое чувство, что охватило нас будто бы снова в момент нашей последней встречи. Не так ли?

Знаешь, теперь я уверен как в том, что разлука только укрепляет настоящие чувства, начисто сметая некрепкие, недолговечные союзы, так и в том, что нас с тобой связывает нечто очень сильное и наверняка благословленное Богом. Мы прошли через самое сложное и тяжелое испытание, что только выпадает на долю царствующих особ и зачастую лишает их возможности быть с теми, кто ими горячо любим и с кем так хочется быть как можно дольше – испытание разлукой. Признаться, я опасался, что Европа вскружит тебе голову, и при встрече ты меня если не совсем не узнаешь, то отведешь мне в своем сердце какую-нибудь скромненькую роль, статиста. Встретив твои глаза, я понял, что ошибался, и вовсе непростительным преступлением с моей стороны было даже допустить подобную мысль. И теперь мне так легко и свободно, как не было, пожалуй, никогда.

Прости, что прихватил с собой Сандро – одному бы мне не хватило смелости смотреть в твои глаза, чувствовать тебя, дышать тобой. Кажется, я провалился бы сквозь землю. Но теперь, однако же, я относительно спокоен, поскольку мои подозрения оказались беспочвенными.

О, Боже, что я пишу? И что ты подумаешь обо мне после этих слов? Меж тем, они искренни, а я глубоко уверен в том, что между двумя любящими сердцами не может быть ни лжи, ни недоговоренности.

Единственное, о чем хочу попросить, перефразируя Германа из знаменитой пушкинской повести – «Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой»... Вернее, это, конечно не из повести, а из оперы, но все же. Кажется, через неделю в Мариинке будут давать этот балет, и ты указана там в качестве исполнительницы главной роли. Когда печатали объявление, должно быть, не знали еще о твоем недуге, и потому не могли предположить замены. Все же интересно, кто это будет, если не ты? Однако, идти на премьеру нет никакого желания – так привык я к твоим волшебным па-де-труа в этой постановке, что ничье другое исполнение не воодушевит меня так... Или все же ты приготовишь мне сюрприз и станцуешь для меня?...»

«Дорогая моя маленькая польская пани! Государственные дела, а вернее, та наука, что постигаю я ежедневно от отца моего, не дают мне вырываться к тебе так часто, как мне бы того хотелось – а вернее, не хотелось бы и вовсе от тебя уез-

жать. Не знаю точно, но мне кажется, что прескверный из меня правитель выйдет – ничего-то я не в силах запомнить из тех мудрейших вещей, что пап`а говорит мне, поскольку, кроме тебя, в моих мыслях нет больше ничего. Я хожу как будто в тумане, со мной говорят, но я не в силах разобрать ни единого слова. Меж тем, самое страшное состоит все-таки в том, что я нахожу ситуацию нормальной.

Я часто вспоминаю творения русских классиков – только теперь понимаю я, о чем именно они писали и что именно имели в виду, когда описывали нечеловеческую любовь, буквально сжигающую, испепеляющую саму природу человека как единичной субстанции и в то же время возрождение Феникса, появление на этом месте некоей высшей субстанции – разумеется, с Божьего соизволения. С разрешения того, кто даровал нам этот удивительный способ возрождения – любовь. Тогда уже не нужно тебе ничего личного, твое собственное Я будто куда-то исчезает, но ты и сам этой пропажи не замечаешь, поскольку довольствуешься новым, тем, что родилось из пепла никчемной личности. Да, не удивляйся, даже я кажусь себе совершенно никчемным в таких обстоятельствах.

И более и чаще всего вспоминаю я великого Гоголя и его «Тараса Бульбу». Помню, что сделала польская панночка с Андрием, на что заставила его пойти – на предательство родины, забвение себя самого и отца своего, и отчего дома. Во-все не хочу сказать, что стою близко к такому состоянию, но

отчетливо ощущаю, как именно и что именно происходило в душе героя. Клянусь, в вас, польках, есть нечто такое, что одинаково способно воодушевить на самый великий подвиг и на самый отчаянный грех.

В то же время, хоть я и сам не свой, что никак не подобает государственному деятелю, я ловлю себя на том, что энергии во мне прибавилось будто бы в геометрической прогрессии – изнутри словно бушует пожар, который дает мне силы жить. Работать, отдыхать, засыпать и просыпаться с мыслями о тебе и о нашем прекрасном совместном будущем. Ведь мы еще так молоды, жизнь только-только еще начинается, открывая нам горизонты и идеалы, о которых еще вчера никто не мог и помыслить!...

Жду – не дождусь твоего приглашения на ужин, в продолжение которого мы наконец сможем остаться одни. После той нашей ночи слова и мысли, дыхание и наши чувства, которыми мы так щедро успели обменяться, не выходят у меня из головы. Кажется, я помню все – кроме, разумеется, государственных дел. Наслаждение, что испытал я тогда с тобой, накануне отъезда в Данию, не сравнимо ни с чем из того, что случалось со мной за всю мою непродолжительную жизнь. Отец, кажется, начинает о чем-то догадываться – и хоть давно не видел тебя, то и дело отпускает в мой адрес вопросы о твоей жизни и твоём самочувствии. Пытаюсь делать вид, что ничего не знаю и вовсе не понимаю его слов, но выходит это прескверно – и наказал же Господь влюбленным скры-

вать свои чувства!..

Беда эта знакома всем еще с шекспировских времен, но на бумаге это одно, а в реальной жизни, когда боишься сказать лишнее слово, но все и даже больше выдаешь глазами – совершенно другое. Хочу спросить тебя о том, думаешь ли ты обо мне? Хотя кажется, что иначе и быть не может – Вселенную просто распирает от того количества мыслей о тебе, что ежеминутно выпускаю я из своей головы, так, что не долететь до тебя они просто не могут. И хотя потом сгорают в атмосфере бесследно, тут же сменяются новыми, еще более яркими и красочными...

И писать становится все труднее и труднее, хотя, казалось бы, чего легче писать о любви? А потому на середине письма утрачиваю мысль и уношусь куда-то далеко отсюда, в весенние дни 1890 года в Красное Село, погружаясь в воспоминания о первом поцелуе... Нет, так невозможно, понимаю это, и потому прощаюсь.

P.S. Очень жду встречи и оттого желаю скорейшего выздоровления самой прекрасной полке, что я только видел...»

Вскоре его мольбы были услышаны – Маля выздоровела, и уже неделю спустя танцевала в «Пиковой даме» Чайковского, но далеко не главную партию, как планировалось, а танец пастушки и танец в белом парике в пасторали из первого акта. Такое решение было вызвано тем, что длительная болезнь лишила Малу возможности основательно подгото-

виться к столь ответственному выступлению, каковым могла бы стать prima-сцена. Сейчас же она вместе с девушками из труппы танцевала статуэтку стиля Людовика XV саксонского фарфора. Их выкатывали на сцену попарно на подставках, они соскакивали с них и исполняли чудный по красоте танец, поставленный самим Легатом, а хор в это время исполнял трогательный диалог Прилепы и Миловзора:

*Мой миленький дружок,
Любезный пастушок,
О ком я воздыхаю
И страсть открыть желаю,
Ах, не пришел плясать,*

*Я здесь, но скучен, томен,
Смотри, как похудал!
Не буду больше скромн,
Я долго страсть скрывал,
Не буду больше скромн,
Я долго страсть скрывал.
Не буду скромн,
Я долго страсть скрывал!*

*Мой миленький дружок,
Любезный пастушок,
Как без тебя скучаю,*

*Как по тебе страдаю,
Ах, не могу сказать!
Ах, не могу сказать!
Не знаю, не знаю, отчего!*

*Давно тебя любя,
Соскучил без тебя,
А ты того не знаешь
И здесь себя скрываешь
От взора моего, от взора моего.
Не знаю, не знаю, для чего,
Не знаю, не знаю, для чего!*

Пастораль закончилась, статуэтки словно легкие бабочки вновь вспорхнули на свои подставки, и их укатали назад, за кулисы.

А после, по окончании спектакля, на пороге уборной показался ее горячо любимый Ники с букетом наперевес.

—Ты пришел, любовь моя.

—Прости, не мог дожидаться твоего приглашения, и принял на себя смелость лично явиться пред ясные очи.

—Ну полно тебе... Скажи лучше, как тебе выступление?

—Знаешь, сколько раз смотрел и слушал эту оперу, и никогда не думал, что дуэт Миловзора и Прилепы – есть центральная часть во всем произведении.

—Опять лукавишь!

—Где это видано, чтобы Наследник престола вел себя подобным образом? Не пристало, ох, не пристало! Уверяю тебя, что отныне эта сцена стала самой моей любимой во всем произведении! Да, вот еще, — Наследник опустил глаза. Маля очень любила его таким, скромным и нерешительным. Хотя иногда ей и хотелось, чтобы он был похож на своего и ее отца, чтобы проявил характер, волю, но все же такое амплуа было для него привычным и больше шло ему. — Должен сразу извиниться перед тобой за сумбурный и не вполне нормальный тон моих горячечных писем, коими донимал тебя всю неделю. Понимаю, что читать их — нужно недюжинное терпение, а понять и вовсе невозможно, так что... можешь их сжечь...

—Ну что ты, милый Ники! В этих письмах ты, хоть и сумбурен, но все же так искренен, что... не любить тебя невозможно... А что до судьбы этих милых моему сердцу строк, то знай, что я всегда ношу их у своего сердца, а когда нет к тому возможности — они все равно рядом со мной, в моей маленькой волшебной шкатулочке...

Она достала из ящика комода, стоявшего в уборной, маленькую палехскую шкатулку и протянула ему. Он приоткрыл ее крышку — и слезы умиления навернулись на глаза будущего монарха. Там лежали его письма, перевязанные красивой атласной тесемкой.

—Неужели они и впрямь тебе так дороги?

—Как и все, что связано с тобой.

Он, не в силах сдержать своих эмоций и чувств, прижал ее к своему сердцу.

А после они поехали прямо к ней и остались на ужин. По случаю блистательного выступления (которое она вовсе не считала блистательным, но о котором так высоко отозвался сегодня сам Наследник), Феликс Янович распорядился подать к столу шампанское. Присутствующие члены семьи Мали словно были скованны некоей тайной, что состояла в природе отношений, которые – это было уже видно слепому – связывали младшую дочь Феликса и Юлии и Наследника. Вопросы читались в глазах каждого, но никто не решался озвучить ни одного. А влюбленным было все равно – для них не существовало ничего и никого, кроме друг друга. Они наслаждались обществом, пустыми разговорами, что вели в присутствии посторонних людей, и не думали, как казалось, о завтрашнем дне. Но это только казалось...

После, когда все ушли спать, а Ники и Маля остались в ее будуаре, чтобы попить кофе – кофе, к которому она так пристрастилась еще со времен балетного училища, – а после снова поддались охватившей их страсти, об этом решил заговорить сам Ники. Они лежали в постели, горячо обнимая друг друга, как вдруг он начал.

–Ты когда-нибудь думала о будущем? – пристально, глядя ей в глаза спросил Наследник.

–Сейчас – чаще, чем когда бы то ни было.

–Но почему?

—Потому что сейчас я счастлива настолько, насколько не была никогда, а счастье — это вечная мука... Мука думать о том, что все может вдруг, в одночасье закончиться, оставив только теплый след воспоминаний...

—И что же? — вопросы свои он задавал осторожно, словно боясь повредить тонкий хрусталь, из которого, как он считал, были сотканы их отношения. — Как ты видишь завтрашний день?

Она рассмеялась:

—Конечно же, никак.

—Как прикажешь это понимать?

—Ты царствующая особа, и в брак потому можешь вступить только с себе подобной. Это понятно. Весь Питер только и говорит, что о твоём будущем браке с Гессенской принцессой Алисой...

—И ты так спокойно говоришь об этом?

—А как мне об этом следует говорить, ты полагаешь? Что толку гневаться на обстоятельства, когда я прекрасно была осведомлена о них, начиная наши с тобой отношения? Как говорят на родине моего отца, «бачили очи, що куповали». Я живу мгновениями наших встреч, которые тем прекраснее, чем короче, а также мыслями о том, что не будет силы, способной разлучить нас с тобой, коль скоро будем мы с тобой в одной стране или даже в одном городе...

—Ты говоришь об адюльтере?

—Не будь ребенком, прошу тебя. Истинно говорят, что де-

вочки взро­сле­ют рань­ше мальчи­ков. Твой род­ной дядя, ве­ли­кий князь Ни­ко­лай Ни­ко­лае­вич со­сто­ял в по­доб­ных от­но­ше­ниях со зна­ме­ни­той тан­цовщицей Чи­с­ло­вой и да­же имел от нее двух сы­но­вей, по­лу­чив­ших фа­ми­лию Ни­ко­лае­вых (они слу­жи­ли, пом­нит­ся, в Лейб-Гвар­дии кон­но-гре­на­дер­ском пол­ку), а так­же двух до­че­рей, одна из ко­то­рых, на­сто­ящая кра­са­ви­ца, вы­шла по­том за­муж за князя Кан­та­ку­зена. Верно, тебе ни­че­го не из­вестно об этом?..

—Клянусь, — глаза Ни­ки блес­ну­ли недо­умением и дет­ским удив­ле­нием.

—Так вот до­во­жу до Ва­ше­го све­де­ния, Ва­ше Вы­со­че­ство, что зна­ме­ни­тый театр в Крас­ном Се­ле был со­ору­жен ве­ли­ким князем имен­но в ее честь, и что­бы дать ей воз­мож­ность там тан­це­вать для не­го.

—От­ку­да тебе это из­вестно?

—Когда театр ста­ли ре­мон­ти­ро­вать и пе­ре­страи­вать, в том чис­ле, под зим­ние вы­сту­п­ле­ния, мне и де­вуш­кам из труп­пы до­ве­лось рас­смот­реть про­фи­ли в ме­даль­онах под са­мы­ми сво­да­ми по­то­л­ков, где они смы­ка­ются с ко­лон­на­ми — не­сколь­ко про­фи­лей при­на­дле­жа­ли Чи­с­ло­вой. Под од­ним из них кра­со­ва­лась на­дпись: «Един­ствен­но лю­би­мой от страст­но­го по­клон­ни­ка. Этот театр бу­дет ве­чно на­по­ми­нать мне о днях на­шей лю­бви. Н.Н.»

—Быть то­го не может! — хо­хо­ча, Ни­ки вско­чил с по­сте­ли и за­хо­дил по ко­м­на­те. — Я все­гда считал дядю при­мер­ным се­мья­ни­ном.

–Так оно и есть. Именно его патриархальные чувства не позволили ему оставить ни ее, ни ее детей от него, в то же время сохранив отношения втайне от законной супруги. Честь ему и хвала, и никто не сможет его в чем-либо упрекнуть.

–И тебя устроит такое положение?

–Считаешь, что меня больше должно устроить положение одинокой, брошенной и потому – самой несчастной на свете, но назло всему свету живущей в плену выдуманных моральных ценностей? Или ты будешь чувствовать себя хорошо, зная, что мы никогда не увидим друг друга, даже живя в столице, практически бок о бок друг с другом? Будь твоей супругою Алиса Гессенская, Мария Румынская или кто еще из привлекательных европейских принцесс, чувства ни одной из них не должны быть ранены ни малейшим воспоминанием или напоминанием о наших отношениях. Но такое возможно только, если отношения эти будут продолжены – если они умрут, боль, оставленная ими в наследство, будет проявляться некстати и не вовремя, и ранить всех, кто попадется под руку. К чему это? Захочешь ли ты любить Алису, будешь ли любить ее – люби, я не буду против того. Но меня ты любишь и всегда будешь любить иной, отличной любовью. Мы не пересекаемся с нею в плоскостях этой жизни, и оттого жертвовать собою или своими чувствами я совершенно не считаю нужным!..

Он смотрел на нее в совершенном восхищении.

–Нет, этого просто не может быть!

–Чего именно?

–Маменька говорила мне, что женщины бывают либо умные, либо красивые. А ты... ты являешь собой какое-то удивительное сочетание и того, и другого...

Маля рассмеялась.

–Что смешного я сказал? Ты считаешь иначе?

–Нет, просто мне интересно, Ее Величество причисляет себя к какой категории?

–Ах, ты еще и бунтовать вздумала! Не зря про поляков говорят, что они вечно всем недовольны и вечно бунтуют!..

Ники, смеясь, бросился к ней и сжал в крепких объятиях. Растворяясь в поцелуе, Маля подумала, что счастье совсем близко, что она, своим проявлением ума и такта, которых, если честно, не ожидала сама от себя, только что схватила его за хвост. Здесь правильнее будет оставить ее с ее мыслями, ведь дурной тон – нарушать такую идиллию!

Глава V.

Невинный

«Я тоже в конце концов вылетела из саней в снег и сильно расшиблась. Если бы не это несчастье, я стала бы скоро матерью. Только впоследствии, когда была старше, я поняла, что тогда потеряла. Говорили потом, что у меня были дети от наследника, но это была неправда. Я часто сожа-

лела, что не имела (обрыв текста)».

Матильда Киесинская, из неопубликованной части «Воспоминаний»

С того самого вечера Ники стал часто бывать в доме у Ма-
ли. С течением времени домашние стали привыкать к нему,
и его отсутствие стало рассматриваться как отсутствие ко-
го-то из членов семьи. Вопросов в глазах домашних стано-
вилось все меньше, и Мале от этого становилось легче. Со
временем компанию Наследнику стали составлять Михай-
ловичи – Сандро и Сергей. Присутствие этих двоих на суа-
ре создавало впечатление, будто присутствуют человек два-
дцать. Они пили «Хванчкару», пели грузинские песни, наря-
жались в джигитов и грузинских князей, танцевали лезгин-
ку – в общем, развлекали присутствующих как могли. А вер-
нее сказать, отвлекали внимание домашних Мали от влюб-
ленных, для которых присутствующие за столом вообще не
существовали. Они не отрывали глаз друг от друга, и даже
выдавшему виды опытному Сандро казалось, при взгляде на
них, что он впадает в краску от такой откровенности.

Вечера эти были прекрасны и веселы, казалось, им не бу-
дет конца. Окидывая взглядом всю свою прошедшую коро-
тенькую жизнь, Маля думала, что это, пожалуй, лучшие дни
в ее жизни. А после, когда домашние уходили спать, а Ми-
хайловичи, вдоволь напившись и наплясавшись, уставали и

уезжали восвояси, Ники с Малей оставались наедине у нее в будуаре и предавались страсти, так неподобающей порядочной юной танцовщице в третьем поколении и августейшей особе.

Во время одной из таких ночей они снова разговорились о будущем. Говорить начал Ники:

–Я должен сказать тебе, что родители настаивают на скорейшей помолвке моей с Аликс...

–Как? Ты даже придумал ей ласковой прозвище?

–Но мы же с тобой уже разговаривали на эту тему, и тебе, как мне показалось, не доставило это особого дискомфорта...

–Тебе так показалось. Все же ты еще ребенок. Я ведь женщина, и мне неприятно даже от самой мысли о том, что у меня есть соперница... – Он с непониманием взглянул на Малю, и она поспешила оговориться: – Нет, я конечно, все понимаю, и не возражаю, но прошу тебя впредь без особой необходимости не возвращаться к данной теме.

–Хорошо, однако, ты должна знать...

–Они настаивают? А что же ты?

–Пока я не имею времени на заграничную поездку, да и Аликс при нашей последней встрече в Дании, а равно – во время нашей переписки – отказалась принять православную веру, что является обязательным условием вступления в брак.

–Это требование Его Величества?

–Да и вообще, если я стану наследовать престол, то буду православным царем. Невозможно, чтобы супруга его, русская царица, была бы иноверкой.

–И она категорически не согласна сделать это?

–Пока ей сложно принять столь ответственное решение, ведь ее родители тоже имеют особое мнение по данному вопросу. Здоровье же папеньки становится все хуже... Во многом невоздержанность в еде и питье ведет к этому, мы говорим, но он ничего не желает слушать. Ко дню восшествия на престол я должен буду состоять в браке...

–Как ты можешь говорить такие вещи?! – всплеснула руками Маля. – Твой отец здоров, и проживет еще очень долго, а ты, если и станешь наследовать престол, то, как это подобает европейским монархам, сделаешь это в глубокой старости.

Ники улыбнулся:

–Так приятно, что ты столь трогательно отзываешься о папеньке...

–Глупый, я не желаю тебе правления. Чем дальше ты от трона, чем ближе ты ко мне и вообще к своему счастью и спокойствию. В данном случае польза для страны сопрягается с вредом для тебя, а я, как любящая душа, не могу тебе этого пожелать.

–Да будет так, – Ники притянул Малу к себе и крепко поцеловал. – Ты читаешь мои мысли. Но кое-о-чем все-таки не знаешь...

—О чем же?

Он поднялся с кровати и подошел к стулу, на котором был развешан его мундир. Достав что-то из внутреннего кармана и спрятав содержимое его за спиной, он подошел к постели. На губах его играла загадочная улыбка.

—Что там у тебя?

—Это одно из животных, чья суть наиболее точно отражает твою натуру.

—Даже страшно представить.

Не в силах сдерживаться, Наследник протянул навстречу Мале ладонь, на которой лежала, свернувшись клубком, маленькая змейка из белого золота с инкрустациями из бриллиантов и топазов.

—Прекрасно! — вскинула руки Маля. — Хорошего же ты обо мне мнения!

—Ведь это комплимент. Если ты когда-нибудь встречала ее, то знаешь, что сначала она чарует своей красотой, и только после набрасывается на жертву. Думаю, что я уже давно и плотно в твоих цепких объятиях.

Она взяла подарок и стала внимательно рассматривать его. Блеск драгоценных камней отражался в ее глазах и освещал маленькую темную комнату в этот полночный час.

—Нет, я решительно не могу принять подобный подарок.

—Но ведь я сказал, что это комплимент, и преподносится мною из лучших побуждений...

—Нет, не поэтому. Здесь же настоящие бриллианты!

—И что из того?

—Это очень дорого, я этого не заслуживаю. Папа дарил маме когда-то бриллианты, и потому мне известна их настоящая цена...

Ники заулыбался.

—Только своей цены ты не заешь, милая моя пани!

—И какова же она? Ну не соразмерна же цене такой красоты!

—Намного ее превосходит!

—Полно, Ники, милый, я не могу так...

—А я не могу иначе. Ты ставишь меня в неловкое положение, ты меня обижаешь. Я дарю тебе эти мелочи от чистого сердца и от всей души, а ты не хочешь их принять только по причине их стоимости. Право, такая мелочность и мещанство! — Маля надулась. Он видел, что подобные увещевания на нее не действуют. — Ну послушай, припомни наше первое знакомство.

—Я очень хорошо помню тот день и все обстоятельства его.

—Тогда ты должна помнить, что я преподнес тебе подарок...

—Помню, и храню его, и буду хранить вечно!

—Что стало для тебя решающим, когда ты, забыв свои отказы, решила все же его принять?

—Глаза Сергея, — краснея и улыбаясь, отвечала Маля.

—А как ты думаешь, он смотрел бы сейчас?

—Думаю, что такими же, — вполголоса ответила она.

—Ну так решайся.

—Хорошо, — она обрадовалась, как ребенок, но старалась этого не показывать. В действительности же она схватила браслет с руки Ники и надела его на свое тоненькое запястье так, будто давно уже задумала это сделать, но ждала какого-то разрешения. — Но на будущее ты должен пообещать мне, что не будешь дарить мне настолько дорогих подарков. Я ведь тебе не жена...

Он ничего не ответил, только сделал вид, что обиделся на ее слова. Она же поспешила устранить последствия своих слов, крепко обняв и поцеловав своего возлюбленного.

Следующие несколько дней Ники не смог приехать, при-
слав вместо себя на представление двух молодых гусар. Од-
ного из них звали Петей Котляревским, другого, родовито-
го, князя — Петей Голицыным. Чтобы не путать их между со-
бой, как среди однополчан, так и в семье Мали принято было
звать Голицына Пикой, а Котляревского Пепой. Она знала
их еще со времен их ужинов в Красном Селе — только тогда
она не знала их имен, что не мешало им с разрешения На-
следника часто садиться с ними за стол. Оба они были как
двое из ларца — одинаково похожи на Наследника и в то же
время друг на друга, чем невероятно смешили Малию. В то
же время их созерцание не доставляло ей особого удоволь-
ствия, поскольку именно в их присутствии его отсутствие ка-
залось ей особенно бросающимся в глаза и особенно печаль-
ным. Как будто бы он ушел навечно и оставил за себя своих

товарищей, заместителей.

В один из вечеров Маля жаловалась Ники:

–Зачем ты присылаешь их ко мне?

–Чтобы хоть как-то скрасить твое одиночество, вызванное моим отсутствием.

–Но от них мне не легче. Они ходят возле меня после представления словно... адъютанты, а я ощущаю себя каким-то всеми забытым и покинутым старым военачальником на пенсии.

Ники расхохотался:

–Право, это умора! Адъютанты! Это гениально! Отныне будем звать их только так... Ангел мой, а что до того, что ты ощущаешь себя старым генералом... Ну разве может генерал станцевать вот эдакое вот?

С этими словами Ники на глазах всех присутствующих за столом нацепил на голову какой-то чепчик, вооружился найденной у лакея Степана корзинкой и стал так неуклюже и в то же время трогательно вращаться на одной ноге, пытаясь изобразить фуэте из танца Красной шапочки в «Спящей красавице». Строгий и сдержанный обычно Феликс Янович хохотал до упаду, чего уж там говорить об остальных!

Тогда он остался до самого утра. Утром, правда, явился градоначальник – и откуда он узнал местонахождение Его Высочества? Видимо, Сракач был прав, когда говорил, что они живут в самой маленькой из европейских столиц, судя по скорости и количеству сплетен.

–Виноват-с, могу я видеть Его Императорское Высочество?

Домашние уже привыкли видеть на пороге дома именитых особ всех мастей, чего никак нельзя было сказать о несчастном дворецком. При виде градоначальника у него, простого человека, началась нервическая икота и задержался левый глаз. Малю он очень насмешил, чего нельзя было сказать о Наследнике, который буквально вышел из себя и отчитал несчастного градоначальника, устроив ему принародную выволочку:

–Ты почему явился сюда?! Кто позволял?!

–Виноват, Ваше Высочество, Его Императорское Величество всюду разыскивает Вас, велит срочно к себе на аудиенцию в Аничков-с.

–Ну и разыскивал бы себе далее, сюда-то зачем приходить? Откуда знал, что я здесь?! А ежели б меня здесь не оказалось?!

–Виноват, кругом виноват, Ваше Высочество! Пожалте во дворец, не погубите, Христом Богом прошу!

Ворча, Ники оделся и после теплого прощания с Малей отбыл. Она подремала еще немного и стала одеваться.

Утром после того яркого и запоминающегося вечера Маля почувствовала себя странно. Списав все на вино, которого на ранее вовсе не пила, но без которого отныне ни одно суаре с участием Наследника более не обходилось, Маля отправилась на репетицию, с которой вернулась раньше обычного и

в куда более уставшем, а если точнее, разбитом состоянии. У нее непривычно кружилась голова, хотя на па-де-де грешить было бессмысленно – на сегодняшней репетиции она выполнила едва ли одну сотую обычной нагрузки, что никак не могло отразиться на ее самочувствии. Слабость сковала все ее тело, тошнота подступала к горлу, а внутри была такая тяжесть, будто она съела добрый пуд вяленого мяса. Рас-терявшись, Маля обратилась к своей сестре за советом. Будучи танцовщицей, она могла ране сталкиваться с такими же симптомами, и помочь Мале.

Однако, когда та пересказала ей признаки своей странной болезни, Юлия побелела и стала мучить ее наводящими вопросами.

–Послушай, у вас с Ники... уже было?

–Как ты можешь спрашивать такое!

–Поверь мне, это не праздное любопытство, это очень важно, ответь и скажи мне правду!

–Да, и не раз. Первый раз еще в Красном Селе, сразу после его возвращения из Японии.

–А когда в последний раз?

–Три дня тому.

Юлия вздохнула:

–Уж не знаю, радоваться тебе или плакать, а только все признаки указывают на то, что скоро кто-то станет матерью будущего Наследника престола!

Маля буквально опешила. Она не знала, как ей следует

реагировать на сказанное, но изнутри ее исполняла радость от неожиданного открытия. Попросив сестру никому пока не сообщать об их неожиданном открытии, Маля стала неистово искать в голове ответ на вопрос, как же лучше сообщить Наследнику об этой радости, ведь в свете готовящейся помолвки с принцессой Алисой его это могло и не порадовать. Конечно, это ничего бы не изменило, и Маля так или иначе стала бы матерью его ребенка, даже если бы тот никогда не увидел и не узнал бы своего отца, но все равно событие было столь волнительным и непривычным, что для объяснения нужно было подобрать слова – а этого Маля не умела. Это, а также страх сбиться при устном изложении фактов побудило ее написать Ники письмо. Раньше она никогда так не поступала, но здесь случай был исключительный.

Трижды она начинала его и трижды рвала. И только на четвертый раз получилось нечто вроде:

«Милый, дорогой мой Ники! Ты часто говоришь о том, что нам когда-то предстоит расстаться, пусть даже только официально. Твои подарки мне очень дороги, но это всего лишь бездуховные вещи, которые не могут в полной мере отразить нашего с тобой отношения друг к другу. Иное дело было бы, если бы нас связывало что-то, что выше человеческого материального мира, имеет душу и память и несет в себе следы нас обоих. Нечто, что не может пропасть, стертись или истлеть, исчезнуть, унеся с собой воспоминания о самой сильной любви под луной. Я не могла сказать это

тебе напрямую, поскольку это было бы бестактно и безнравственно с моей стороны – но, в то же время, какая женщина в глубине души не мечтает об этом? И только сейчас мне нестрашно сказать тебе об этом – потому что я получила хоть какое-то предвестие скорого счастья, которое будет подарено мне Господом при твоём непосредственном участии. Быть может, я пишу туманно, но ты не ошибся, все так и есть – радостная весть о скором материнстве стала для меня открытием и праздником, хотя все еще не точно и говорить пока еще очень рано, а все же удержать в себе эту радость я не просто не могу, но не имею права. И пусть даже ты будешь против продолжения жизни невинного существа, что появилось от нашей большой любви, я сохраню ее только для себя – чтобы, глядя на него, напоминать себе о прекрасных днях и постигнувшем меня в их продолжение дивном душевном состоянии, которое дается только по воле Господа, да и то не всегда и не всем. Прости, что сообщаю тебе об этом именно так, но не знаю, когда ты приедешь, и найду ли я в себе слова и смелость повторить то же, глядя тебе в глаза».

Глава VI.

Новая жизнь

«...в «Калькабрино» 1 ноября 1892 года выступила М. Ф. Кшесинская, исполнившая роли Мариетты и Драгиниацицы. Это было молодое, даровитое исполнение, носившее печать

энергичного труда и упорной настойчивости. В самом деле, давно ли подвизается на сцене г-жа Киесинская 2-я, давно ли мы говорили об ее первом дебюте, и теперь она решается заменить г-жу Брианцу. За такую храбрость, за такую уверенность в себе можно было уже одобрить милую танцовщицу. Она без ошибки делала тогда двойные туры и удивила балетоманов своими жете-ан-турнан в вариации второго действия. Да вообще все танцы, в которых прекрасно танцевала итальянская балерина, несмотря на технические пороги, г-жа Киесинская повторяла весьма успешно. Влияние ее учителя Чекетти, несомненно, способствовало в сильной степени победе молодой танцовщицы».

А.А. Плещеев, театральный и балетный критик⁵

14 июня 1892 года, Санкт-Петербург

Получив письмо, Ники опрометью бросился к Мале, отложив все дела и немало напугав домашних.

– Ты... ты прочел мою записку?

– Да, и очень рад тому, что увидел! – он действительно выглядел очень обрадованным. Обычно искренний и открытый человек, он не был замечен в откровенной лжи, не мог он и

⁵ Наш балет (1673—1899). Балет в России до начала XIX столетия и балет в Санкт-Петербурге до 1899 года. – СПб.: «Лань», «Издательство ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2009. – 576.: ил. с. – ISBN 978-5-8114-0840-5.

сыграть такую эмоцию. У знавшей это Мали словно камень с души упал при виде таких чувств возлюбленного. – Думаю, что теперь жизнь наша с тобой изменится...

–Наша с тобой... но как?

–Ты же не считаешь, что надо продолжать жить с родителями?

–Но... куда мне переехать? Уж не в Аничков ли дворец? Маля улыбнулась, но Ники был предельно серьезен.

–Думаю, надо подыскать тебе какой-нибудь домик в столице. Пусть для начала небольшой, но чтобы ты там могла чувствовать себя уютно...

–Видишь ли, мне кажется, что мать и сестра дома смогли бы помочь мне, если я почувствую себя нехорошо – я слышала, что с беременными такое часто случается. Их помощь будет для меня очень важна.

–Я же не сказал, что ты будешь жить там одна! Разумеется, мы найдем тебе и прислугу...

–И еще... не все так просто. Думаю, мой отец, ты же его знаешь с его характером... он может не одобрить такого решения.

–Что ж, для того я и здесь. Я приехал, чтобы поговорить с ним и объяснить все как есть!

–Что ты! – вскрикнула Маля и сама испугалась – обернувшись на дверь, она посмотрела, не привлекла ли кого из домашних своим окриком. – Не думаю, чтобы это была хорошая идея. Уж лучше я сама все ему объясню.

–И когда ты намерена сделать это?

–Не знаю, возможно на днях...

–Ну уж нет, – обычно робкий и нерешительный, Ники разительно изменился. Он был горяч и настойчив, и она не находила в себе сил сопротивляться его напору – возможно, так было лучше в создавшейся ситуации. – Ты сделаешь это немедленно, а я подожду тебя здесь.

–Но Ники!

–Что?! Послушай, сейчас наши отношения уже выходят за рамки твоего или моего, у нас будет ребенок, и наши потайные встречи только навредят ему. Да и моей репутации честного человека – ведь я, кажется, не давал еще поводов в ней усомниться?

–Ну что ты...

–Так и не заставляй меня делать это. Отправляйся сейчас к Феликсу Яновичу, а я подожду здесь на случай, если ваш разговор не задастся.

Разговор с отцом обещал быть для Мали непростым. Феликс Янович сидел в кабинете, нервно поглаживая усы. Он знал, что Ники приехал и ожидает в ее комнате, и потому тоже приготовился к сложной и ответственной беседе.

–Пап`а, я должна поговорить с вами...

–Я догадался, что ты пришла ко мне не просто так.

–Ники... в общем, он предложил мне поселиться отдельно от вас, чтобы не смущать лишний раз своим присутствием тебя и маму...

—Ты говоришь о Наследнике? Но ведь раньше его это не смущало... Говори, в чем причина?

—У нас будет ребенок... — тихо, опустив голову, отвечала Маля.

—Вне брака? Морганатический сын Наследника престола? Хорошенькое дело, этого еще не хватало!

—Послушайте, я не собиралась этого говорить, но решение нами уже принято. Как бы в дальнейшем ни сложилась судьба моя или Ники, ребенок в этом не виноват, и потому мы не вправе лишать его права жить или быть счастливым!

—Но ты понимаешь, что у вас не может быть будущего? Ты не станешь императрицей ни при каких обстоятельствах!

—Конечно, понимаю. Более того — мне даже известно, кто скорее всего займет место рядом с ним в обозримом будущем. Но наше минутное счастье все-таки принадлежит нам, и пусть оно станет вскоре для обоих лишь воспоминанием... а все же добровольно отказываться от него ни он, ни я не собираемся... — Маля обрывалась, комок подкатывал к горлу, но отступать было некуда.

—Чего же тогда ты от меня хочешь, если все мои опасения для тебя понятны?

—Я прошу лишь вашего разрешения жить отдельно. Мне важно знать, будете ли вы или мама считать мое решение предательством по отношению к вам?

—Но ты только что сообщила мне, что все решено, разве не так?

—Да, но в вашей воле...

—Запретить тебе быть счастливой? Взять на себя ответственность за тебя, Наследника и вашего ребенка? Обречь вас на мытарства? Ну уж нет. Я отец, и счастье дочери для меня важнее всего. Если вы все решили, то будь по-вашему.

Маля со слезами на глазах подошла к отцу и обняла его. Жесткий и принципиальный человек, он и сам немало расстроился, а потому предпочел, чтобы дочь не видела его слез.

—Пойди и обрадуй его. Он ведь, кажется, ожидает тебя?

—Да, папенька. Спасибо вам. Благослови вас Бог...

—И тебя. И твоего ребенка.

Она вернулась в свою комнату уже рыдая в голос. Ники был обескуражен.

—Что случилось? Он отказал?

Маля сквозь слезы помотала головой.

—В чем же тогда дело? Отчего ты плачешь? Умоляю, перестань, это ранит меня и вредит нашему ребенку!

—Понимаю, но я ощущаю себя прескверно по отношению к родителям. Отчий дом воспитал и взрастил меня, а я предаю его и словно преступница сбегая...

Ники улыбнулся и обнял ее. Она рыдала у него на плече, а он улыбался и думал, что со временем все образуется. Она покинет дом родителей, и волей-неволей он станет выветриваться из ее головы, оставляя о себе лишь приятные воспоминания детства.

Со дня на день в Красном Селе начинался танцевальный

сезон, и Маля, беременность которой пока не давала о себе знать должна была танцевать первые партии во многих спектаклях, так что вопрос поиска дома надлежало решить в ближайшие дни. Она справилась – и за несколько дней отыскала небольшой домик в Английском проспекте, 18, который Наследник для нее сразу купил.

Дом был небольшой, двухэтажный и со стороны выглядел даже немного куце, но вид имел очень уютный и потому сразу глянулся Мале. Лет десять назад знаменитый композитор Римский-Корсаков построил его для своей возлюбленной, почти сразу расстался с ней, и с тех пор в доме никто не жил. Атмосфера старины, присущая дому давней постройки, располагала к себе. Навевало ее здесь все – начиная от сада, окружавшего дом; дикого, тонущего в вековой зелени и напоминающего викторианскую Англию; и заканчивая внутренним убранством дома, отличительной чертой которого была даже мебель в старом стиле. Аккуратные, монолитные и пыльные платяные шкафы были живым свидетелем навсегда ушедшей эпохи. Такой мебели теперь было не отыскать, нынешние шкафчики напоминали скорее фанерные, здесь же все было выполнено из настоящего венгерского дуба.

Белые обои с розами, коими были оклеены все стены дома, немного выцвели и местами пожелтели от времени, но Маля не захотела их менять до поры – когда-то давно, в далеком ее детстве, похожие были в их старом доме, и потому

этот раритет тоже умилял ее. Штор на окнах не было вовсе – поскольку дом был заброшен, их сняли. Маля обратилась за помощью к Сракачу – он помог подобрать материал и договорился с недорогой, но умелой швеей, об их пошиве. Мама подарила ей огромное количество всевозможных столовых приборов, так что в убранстве дома Маля не испытала никаких затруднений.

Горничная Лиза была рекомендована Сандро – несколько лет она работала в их доме в Грузии и после была привезена вместе со всей семьей Михаила Николаевича в Санкт-Петербург. Она помогала Мале устроиться и все как следует организовать – убралась, оттерла вековую пыль, при расставании с которой дом, как показалось Мале, обрел новую жизнь и заиграл новыми удивительными красками.

Первую неделю спустя, когда все работы по убранству дома были завершены, Ники навестил Малу в ее новом маленьком, но очень уютном доме. В подарок на новоселье он принес ей цепочку из белого золота с таким же кулоном. На кулоне был выгравирован его профиль. Она не хотела брать столь дорогого подарка, но в итоге согласилась – ведь он был неразрывно связан с образом любимого.

–И как тебе здесь нравится? – сияя от счастья, Маля водила Ники по комнатам дома с видом первооткрывательницы.

–По-моему, главное, чтобы нравилось тебе, ведь тебе здесь жить... То, что дом небольшой, пусть тебя не смущает – когда родится наследник, я что-нибудь придумаю, и мы

поменяем его на больший.

–Какие глупости! Мне здесь очень нравится, и менять его я не хочу ни при каких обстоятельствах. Уверена, что и сыну дом будет по душе, когда он родится... Кстати, почему ты уверен, что будет сын?

–Это традиция императорского дома. Так уж повелось. Хотя я буду рад дочери ничуть не меньше.

–А я даже больше! Она непременно должна будет стать танцовщицей и перенять мою профессию, так же как я переняла ее от отца и матери.

–А сын – мою? – улыбнулся Ники. При прочих обстоятельствах сравнение его показалось бы Мале обидным, но сейчас она только мило улыбнулась и пригласила Ники обедать.

За обедом говорили о Михайловичах – им не терпелось поскорее приехать на новоселье, но вот-вот начинался сезон, и потому Маля щедро одарила их приглашением посещать ее уборную во время всего сезона в Красном Селе, когда им того захочется. Тем более, что и тут Наследник преподнес ей шикарный сюрприз – благодаря его протекции, она заняла самую лучшую уборную, которая во время прошлого сезона на несколько выступлений предоставлялась госпоже Цукки.

24 августа 1892 года, Красное Село

В этот вечер Маля с сестрой и Наследником должна бы-

ла ужинать у барона Зедделера – идея принадлежала Ники, но он выполнял просьбу своего приятеля, барона, которому положительно нравилась Юлия Кшесинская, и который просил его посодействовать в их сближении. Сводничество было неприятно Ники, но он видел, что симпатия Юлии и Александра взаимна, и потому сватовством здесь не пахло. Кроме того, гусарская традиция дружить парами была уважаема Наследником, так и веселее было, и оттого появление Зедделера в его окружении импонировало настроению Николая. Он должен был заехать за Малей в театр на своем экипаже, но несколько припозднился. Хотя стояло лето и темно сравнительно поздно, Наследник припозднился и приехал за Малей уже за полночь. Она ожидала его в маленькой аллее напротив театра, которая в темное время суток превратилась в настоящий сказочный жуткий лес. Приехав, Наследник застал Малю в оцепенении – она стояла, вжавшись в ствол дерева и дрожала от ужаса.

–Что тебя так напугало, сердце мое? Аллея пуста, чего бояться?

–Хорошенькое дело! Тебя бы сейчас сюда поставить и заставить подождать часок-другой, посмотрела бы я, как у тебя сердце уйдет в пятки!

–Ну полно, поедем прокатимся...

Ники знал, что конные прогулки – страсть Мали еще с детства, одни только крысы феи Карабос чего стоят?! И ее страх развеялся, уносимый ветром, что шумел в ушах при

быстрой езде. А час спустя они уже были в шатре Зедделера – кроме них, здесь присутствовала уже Юлия, сам барон и Владимир Свечин. Этот юный гусар был давним боевым товарищем Наследника и его однополчанином и смешно старался во всем на него походить. Бороду свою он подстригал точно по такому образцу, как сам Наследник, временами даже подкрашивал, чтобы сделать светлее, мундир носил точно, как у него. Со стороны это было мило и трогательно, и не отдавало никаким чинопочтанием. Все были молоды, веселы, и отношения между ними были так же нежны, как нежен был их возраст.

– Вот и господа опоздавшие явились! – вскричал Володя, увидев Наследника и Малю в дверях шатра Зедделера. Он надел на себя маску недовольства, но в глубине души был очень обрадован долгожданным приходом обожаемого Ники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.